

Дмитрий Шелест

Солнце князя Владимира

Дмитрий Шелест

Солнце князя Владимира

«Автор»

2026

Шелест Д.

Солнце князя Владимира / Д. Шелест — «Автор», 2026

Действие романа происходит в Древней Руси второй половины X – начала XI века. В основу сюжета положена биография князя Владимира Святославича. Большую часть жизни главный герой ведет борьбу за власть и сохранение государства. Стремясь укрепить свое положение, он обращается к христианству, что постепенно меняет не только его политические взгляды, но и личную жизнь. История раскрывает как масштабные события эпохи, так и духовные перемены Владимира. Князю предстоит преодолеть династический кризис, противостоять внешним врагам, бороться с заговорщиками и сторонниками старой веры. Одновременно он сталкивается с непростым выбором между долгом, чувствами и собственными убеждениями. Роман показывает с одной стороны, как исторические перемены влияют на чувства и любовные отношения, а с другой, как решения одного человека способны изменить судьбу обширного государства.

© Шелест Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	52
-----------------------------------	----

Дмитрий Шелест

Солнце князя Владимира

16+

Солнце князя Владимира

Дмитрий Шелест

*Моей спутнице, любимице, жене Оксане посвящаю.
С благодарностью Вадиму и всем друзьям.*

*А теперь пребывают сии три:
вера, надежда, любовь;
но любовь из них больше.*

(1 Послание Павла к кор., 13:13)

*По моему разумению, вера
подобна лучу, надежда – свету,
а любовь – кругу солнца.
Все же они составляют одно сияние
и одну светлость.*

(Иоанн Лествичник, «Лествица», 29-2)

Прозор, Владимир и печенеги

- ...А если полудница¹ злющая морок наслёт?
- Морок, морок... А нож зачем? Дотянуться успею.
- Да ну! Ты и понять не успеешь, кто перед тобой.
- А что мне понимать, кто идёт на меня, разбираться не буду. Кровь разом выпущу.
- А если выглядит она девицей красной, вот как Алена?
- Нежити нож к горлу, а уд в сущность её. *Навью* меня не испугаешь. – Владимир заметно покраснел.
- Ох, злой ты Святославич.
- А каким мне ещё быть? Твои родители, Прозорчик, люди уважаемые, отец твой, Белотур, – *волхв*, матушка, Гайтана, – ведунья, молва о них как Днепр для ладей торговых.
- Да ладно, ты – сын князя, наследник...
- Сын, сын. Не родился, не знал бы крутых годин. Братья мои – признанные Святославичи. А я вроде и сын отца, а матери не видно. Любой в совете дружины попрекнёт меня этим.
- Ты умный, Владимир, читать и писать обучен. Оружием владеешь получше дружинников некоторых. Кого как, друже мой, а тебя, как отец мой говорит, и *Перун*, и *Велес* отметили.
- Боги отметили, да родня не заметила.

¹ Здесь и далее см. выделенное курсивом в Словаре старорусских слов, народностей, объектов культа и значимых топонимов в алфавитном порядке в конце книги. Большинство слов интуитивно поняты исходя из контекста.

Собеседник обратил внимание, как удручённо это сказал Владимир, и не стал продолжать разговор.

Прозор был постарше Владимира на пару лет, но в кости потоньше, худощавый, жилистый, с выгоревшими бровями, поэтому выглядели они ровесниками. Ум пытливый, дерзкий, от матушки. Отец степенный, неторопливый, рассудительный. В Переяславле жил, там обучился языку печенежскому. Знания эти передал сыну. Так и вырос сын *волхва*: при необходимости остёр на язык и боя не убегал, хоть кулачного, хоть ножного, но держал себя, без нужды не бросался ни словом, ни копием.

Владимир – сын князя Святослава – поэтому и сдружился с Прозором: характеры одинаковы, но по разным причинам. Младший княжич братьями опекаем. Что старший Ярополк, что средний Олег держали Владимира при себе, но пониже. Да и мать старших братьев, Предслава, не в пример ключнице Малуше была княжной угорской. В общем несложно было сильным унижить меньшего. Поэтому хоть и был третий Святославич и силен не по годам, и умён, но всё своё привык держать при себе.

А больше всего сближала двух друзей одна способность – умение мечтать. Друзья представляли себе походы в Константинополь и дальше, на юг, туда, где *псиглавы* сторожат злато, на восток, туда, куда боятся кочевать печенеги и хазары. Там драгоценные *смарагды*, в которых лица загаданные видно, там *анфраксы*, светящиеся сквозь платья. Неведомый зверь-птица пеликан оживляет птенцов своих, орошая собственной кровью, а получеловек-полужверь – *онокентавр* – носит в себе и *Навь*, и *Явь*.

На берегу Кыянки друзья смотрели на Солнце с закрытыми глазами, пытались разглядеть будущее. Солнечный жар щекотал веки, вспыхивал в голове и перетекал в душу. Мечты становились планами, неопределёнными, изменчивыми, неясными, а будущее, как и раньше, заслоняла солнечная пелена. Об одном они мечтали вместе, но делились скупой друг с другом, об Алене.

В пять лет привезли маленького Володькам в Киев из псковской Будутины. Уезжая с дядькой своим, Добрыней, он помнил, как мамка, ломая руки, выговаривала брату: «Ты подложил меня под князя. Мало страданий у меня было до того?!» Даже во гневе и отчаянье она была красива и статна. Только глаза были тёмные, безумные, как у загнанной оленухи. И богатырь Добрыня неловко гнул кнут, вжимал могучую шею в саженные плечи, как-то нелепо сутулился и, косолапя, как будто не верил, что протиснется между высоким порогом и притолком, двигался к выходу. В этот день они и уехали. Родственник малого княжича дал зарок себе: коли не может беречь сестру родную, то будет охранять сына её до смерти своей.

Возможно, тогда она понимала, что не увидит сына никогда. Святослав, муж её на полгода, не привык держать что-либо или кого-либо в пол руки, он забирал всё целиком. Золото и женщины, земли и подворья, не знал Игоревич слово «половина». Так и Малушу он забрал целиком, полностью. И даром, что она брата своего кляла, и зря она матушку Святослава – княгиню Ольгу – недобрым словом вспоминала. Дочь Малка, увидев киевского господаря, взглянув в его серо-голубые, будто подёрнутые инеем глаза, сама вдруг застыла душой и телом, не понимая ни где она, ни кто перед ней. Ключница подневольная даже не поприветствовала своего господина. И только ночью в горнице святославовой она запылала, как солнце летнее, которое неожиданно вырывается из тумана во всей её красоте и сиянии. Не будь её ответа на страсть Игоревича, возможно, и не задержал свой взгляд на ней князь более одной ночи, возможно, и не зачали они того самого ребёнка.

Сладкие, ох какие сладкие были эти полгода для ключницы. Святослав, несмотря на нрав свирепый, на умение внушать животный страх врагам, с возлюбленной своей мог быть нежным и даже осторожным. Ей иногда казалось, что больше чтит он *Ладу*, а не *Сварога* или *Перуна*, и

любовь с ней была его жертвой богине. Господарь киевский в такие минуты словно бы пытался искупить свирепость свою в миру нежностью всеземной, которая сосредотачивалась для него в единой женщине. Долго это продолжаться не могло. Малуша понесла, изменилась в лице, статью отяжелела, а князь вернулся в мир войн. «Не взыщи, ладушка моя, не дело мужа у подола сидеть, не забота князя рассказы *челяди*, жён и казначеев слушать, мёдом наслаждаясь».

Матушка его же с трудом терпела связь греховную, как она считала, и исполнила ранее принятое решение моментально. Красавицу-прислужницу быстро отправили под Псков. Видать, бог досточтимой княгини не слишком чтит любовь, называя всё, что не в его власти, блудом (а ведь безобидное слово было!). «Как бы то ни было, а новая жизнь в чреве моём – это дитя любви, и жизнь его (да, сына я жду!) будет *Ярилом*, которое сжигает в полдень, под вечер даёт негу и успокоение, а к утру приносит новый свет». Так рассуждала про себя женщина, покачиваясь на обозной подводе. Небольшой отряд дружинников, пара гружёных повозок неспешно двигались на север, а утреннее солнце с интересом заглядывало через правое плечо Малуши на округлый живот беременной.

Передовой отряд подошёл летним утром 968 года, который христиане ведут от земного рождения Бога своего. Конница печенегов *василиском*, жадным до крови, ползла по дороге. Пыль не выдавала нападающих, так как накануне прошёл слепой дождик, но гул копыт слышен был издалека. Впрочем, *сторожа* с дальних подступов ещё вчера прибыли в Киев, чтобы сообщить Ольге недобрую весть: печенеги идут на город.

«Век мой долог, и было в нём больше упования на покой, чем покоя. Восьмой десяток идёт, а хоть сама бери меч в руки», – пожилая женщина неспешно оглядывала малочисленных воинов. За их спинами стояли беженцы из окрестностей. Не то чтобы уж сильно лютовали печенеги, но добра от них никто не ждал. Тут же толкалась горстка людей иудейской веры, несколько торговых людей из Константинополя, гости из Хорезма, пара сумрачных торговцев-норвегов. Мужчины, от двенадцати лет и до стариков, страха внешне не выказывали, но, так как они судорожно сжимали и тяжёлые *оскорды*, и рогатины, перекладывали ножища из руки в руку, было понятно: бояться. Оружие в руки взяли ключники и *покладники*, конюшие и челядь столовая. Сколько ни считай, всё слёзы, а не дружина. «Ах, сынок, сынок! Дорогу для Киева торишь, а град под огонь оставляешь». Да и святославовы *огнищане*, точнее те, кто остался в Киеве, лучше других понимали, держаться им день за стенами, не боле.

Печенеги, очевидно, от лазутчиков зная, что мало защитников у богатого Киева, не спешили. Пенились конницей вдоль острожной стены, кружили водоворотами, разбивали лагерь нехотя, как будто понимая, ненадолго всё это, заберут, что оставили без присмотра, и обратно в степь бесконечную. Кого успели захватить из подкиевцев, высадили в круг на солнце. Зарезали пару смердов поздоровее, кто раболепия не выразил, и взяли силою несколько жён. Делали всё так, словно игры ряженных исполняли для смотрящих с *детинца* киевского: мол, не ерепень-тесь, а то и вас *позорище* такой застанет.

– Мало сил у нас, чада мои. Сын мой, Святослав, далече, не успеет. Уповать остаётся на малую дружину воеводы Претича, который обходит дороги на черниговском направлении.

– А как он узнает о беде нашей? – спросил кто-то из толпы о том, о чём подумали все.

– Кто-то вызваться должен, неволить не буду. Проскочить через лагерь врагов, переплыть Днепр на черниговскую сторону. Затея опасная. – Ольга знала, что будет в противном случае. Чтобы спасти внуков и хоть как-то уберечь жителей, город придётся сдать. Да, будут грабить, насиловать, многих убьют, но не всех, а может, и город не запалят.

– Матушка-государыня, позволь мне испробовать! – Прозор подбежал к княгине и отдал поклон без церемоний, заглянув в уставшие глаза женщины.

Ольга краем глаза заметила, как младший внук сжал кулаки и сглотнул. Очевидно, Владимир уже обсудил всё со своим другом-язычником. Родители Прозора стояли как громом поражённые, но смолчали. Что бы ни замыслил сын *волхва*, совершать он это будет для киевлян всех верований.

– Так ты, говоришь, язык печенежский знаешь? – Ольга с любопытством разглядывала дерзкого отрока.

– Знаю, государыня моя. – Прозор на этот раз держался скромно и почтительно.

– Плавает он лучше и меня, и других, – даже с завистью подтвердил младший княжич.

– А придумал кто? – почти улыбаясь, спросила княгиня.

– Он, он! – тыкнули друг на друга юнцы.

– Значит, вместе военный совет, похоже, держали. Ты, Прозор, останешься в княжеских покоях. Всё обсудить надо. Ошибиться нам нельзя. Трапезничать вместе будете. А я пока пойду родителей твоих за сына поблагодарю.

Ольга встала, прямая как шест, двинулась к выходу в сопровождении единственного дружинника.

«Если бабуле-княгине меч дать, так она одна сотню вражескую погонит», – насмешливо и с гордостью подумал Владимир.

В это утро туман со стороны Подола киевского был гуще, плотнее любого другого. А всё потому, что другие туманы водяные из омутов гонят, такой туман ровно по реке стелется и так, слегка, берег покрывает. Дело такое у водяных: как *оротай* землю вспахивает и засекает, так и чудища речные засекают реки, озёра и кромку прибрежную, давая возможность плодиться и размножаться рыбе всякой.

Русалки же некоторые – существа недобрые; их туман как морок. Наплывает из затона прибрежного на рыбаков, выставляющих сети, на девиц, которые на глади водной гадают, на путников у воды, на детишек играющих, – в общем, на всех, кто по делу или нет у русалочьих мест оказался. И уж кто от своих отбил, пропадал.

Но туман русалочий недолговечен, Солнце за получас его прогоняет. А уж если попал в такой туман, то любой оберег огненный, *волхвами* сделанный, защитит от русалочьего племени. Так вот этот туман *Мокиша* нагнала. А то, что богиня сотворит, запросто ни заклинанием, ни посулами не своротишь. И стоять ему до того, как роса утренняя успокоится. И оставалось только благодарить подательницу такой возможности.

На площади перед княжеским двором ещё дымились ночные кострища, Солнце оторвалось от горизонта, но внизу, в лагере печенегов, царил туман. Дозорные устало всматривались в движения неясных теней у подножия холма, успокаивая себя мыслью, что в такой пелене штурма не будет.

Гортанная вражья переключка постепенно будила и своих, и чужих. Среди гвалта окриков печенегов слышался ясный, звонкий голос. «*Ханаабиши мэнишм тот атим?! Ханаабиши мэнишм тот атим?!* Где ты, лошадка дикая моя?!» Молодой ещё ратник, бестолковый, очевидно, выступивший в первый свой поход, упустил лошадь. Потряхивая уздечкой, он обходил недостижимый до поры до времени детинец под смех и незлобные шутки более опытных «соратников» и двигался в сторону реки.

Прозор, то умоляя несуществующую кобылку вернуться, то угрожая ей кнутовищем, то жалуясь размытым в тумане и от этого словно бы нереальным воинам-степнякам, медленно спустился к Днепру. Сердце его колотилось с той же скоростью, как быют крылья селезня, взлетающего с воды. Когда он бесшумно опустился в воду, вспомнил, как пару лет назад подобрал подбившегося, но живого стрижа. Так вот сердце в маленькой птичьей груди сотрясало всё

птичье тельце, передавая вибрацию и державшему стрижа мальчишке. Пташка умерла через день, как ни пытался её выходить Прозор.

Уже проплыв пятьдесят с лишним сажений, сын *волхва* слышал крики с берега. Печенеги заподозрили неладное, а потом и уверились, что обманули их. В воду просыпалось несколько стрел, не прицельно, со злости. Затем лучники стали укладывать более точно. Смерть втыкалась куда-то в глубь, то ближе, то дальше от пловца.

«*Мокиша*, будет судьба выбраться, одарю всем для тебя любым на полузимник твой: кровью баранца самого плодovitого на капище и руном самым густым овечьим», – повторял раз за разом Прозор. Одолев треть Днепра, юноша сбавил темп, чтобы уберечь силы для оставшегося расстояния на воде и непонятного на суше. Он точно знал куда плыть в тумане – впереди него стояла вечно юная подательница блага с лицом Алены.

Прозор рухнул на травяное покрывало у берега и прислушался. Стройный хор кузнециков, жаворонков, гудение шмелей и ничего другого. Туман на правом берегу постепенно сходил, открывая чуждый природной безмятежности лагерь печенегов. Юнец, смежив веки, посмотрел на Солнце. Вдохнув свет *Ярилы*, Прозор выдохнул усталость. Сын *волхва* осторожно сорвал *кипрей* и обмотал его вокруг правой кисти. Даже после окончания ночи *Купалы* растение сохраняло и берегло силы. Ещё раз вдохнув разлитое в воздухе светило, он выдохнул образ недлинного пути. Киевлянин уверенно побежал туда, где расположился Претич с небольшим отрядом.

Княгиня приказала внукам не выходить. Сама она с ключницей Богданой двинулась к западной части детинца для того, чтобы взглянуть на вражеские приготовления. А печенеги готовились. Шума и гвалта вчерашнего не было, сосредоточенно заканчивали лестницы, часть коней отвели поодаль, лучники удобно расположились в пятьдесят локтей от основного войска. Степные люди – бережливые люди. Прекрасно видели невеликое воинство защитников киевских и понимали, что те ни стрелу, ни огонь попусту тратить не будут, поэтому и приблизились на опасное для них расстояние не столько из дерзости, сколько из расчёта.

«Не то что воевать, стяг ставить не с кем! Ещё подожду и сдавать город буду», – в третий раз сказала себе княгиня, будто заклиная отвергнутых идолов, когда в такт её мыслям гулко забили копыта по туровской дороге. Передовой отряд с молодецкатым Претичем она узнала без труда, не столько потому, что углядела воеводу, сколько потому, что всю ночь молила Господа Вседержителя о чуде. Кто это ещё мог быть после ночного бдения?! «Наши, наши идут! Прoderжались!» – говорили друг другу киевляне слова, привычные для русов и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Печенежское море колыхнулось и начало собираться в монолит. Очевидно, что степняков не столько дюжина человек встревожила, сколько приближающиеся клубы пыли на дороге. Навстречу русичам выехал ратник печенежский, ловко управляя с помощью ног каурой лошадкой; руки, в которых покоилась сабля, он держал поднятыми вверх, чтобы встречающие его видели – оружие при нём, но в дело его пускать он не намерен. Остановившись, вестник от печенегов с достоинством кивнул и после недолгого разговора повернулся и поскакал в стан.

Глава небольшого отряда – Претич – несильно шлёпнул кнутовищем своего вороного жеребца и направил поводья в сторону противника. На середине воевода остановил коня и спрыгнул. Был он невелик ростом, худощав, но видно, что ловок и быстр. Не зря Святослав доверял ему. Со стороны печенегов также приблизился начальник войска, которого и по повадкам, и по чубу заливчатскому можно было принять за брата русича. Мать только другая была.

Воевода русичей и *баскак* степняков говорили недолго, дольше собирали встречу. Ольга всё поняла моментально уже тогда, когда Претич небрежно махнул рукой в сторону клубов пыли. «Ох, молод, а хитрец! – засмеялась облегчённо княгиня, обращаясь к окружению. – Сказал, видать, что он только передовой отряд ведёт, а вдогонку и сам князь Святослав с основ-

ными силами приближается. Воевода-то наш не только в битвах силён, но и в *блзнии*». И уже потише наказала Богдане: «Бегом беги к сотнику нашему Ратимиру. Скажи, без промедления пусть шлёт сыну моему вестника. Известить князя следует о том, что беда пришла, отодвинул её Претич-молодец, да ненадолго». И вздохнув, уже себе сказала: «Печенеги не только *гладны*, но и *ухыщренны*. Станут недалеко лагерем. Ждать будут».

Владимир, дядечка и княгиня Ольга

Весной 961 года от Рождества Христова небольшой обоз отправился из Псковщины в сторону Киева. Пятилетнему мальчику тяжело было вынести и расставание с матушкой, и путь неблизкий. Дорога от ставшего родным местечка Будутина была не скатертью, но маленький Владимир терпел, как и положено будущему княжичу. Так говаривал его дядька, Добрыня, чья сила и стать внушала уважение не только мальчишке, но и всем окружающим. Ещё говорил дяденька, что князь в седле должен держаться лучше степняков, и мечом пользоваться мастеровитее ратников своих. А едет он в Киев, так как повзрослел достаточно для того, чтобы к отрокам присоединиться и мужем становиться, уже стыдно у жён опшиваться, даже если и мамка твоя среди них.

Часть пути по предложению Добрыни малой княжич в седле ехал. Сначала впереди дядьки сидел, затем сам держался, пока отрок коня под уздцы вёл, а потом и самостоятельно с животинной полезной начал управляться. Когда же племянник освоился достаточно, старший родственник вручил ему меч дубовый, вырезанный под маленькую ручку Володькам. Брат мамкин показал, как действовать оружием сидя на жеребце, не забыв добавить: «Кто богатырём хочет стать, должен меч держать от росы до полудня. А потом уже можно и весь день оборону держать».

Владимир самозабвенно махал деревянным оружием до мозолей на детских ручках. Добрыня же, видя успехи княжича, усложнял задачи: то выдаст ему второй меч («Если врагов много, то разить с удвоенной силой надо, а конь должен ног слушаться!»), то заставит взять щит, явно напоминающий крышку от кадки, поясняя: «Когда ряд неприятеля прорываешь, щит и самому смелому нужен». Так и дошли они до истока Днепра. Ждал их *гость* новгородский на паре ладей, куда и перегрузили вещи да люди сопровождающие рассредоточились. Торговый человек ранее с матушкой-княгиней сговорился о задаче несложной, а уж две пары ратников во главе с богатырём точно лишними не будут. Будущему князю Ждан-торговец вручил сладкую фигурку марципановую из-за моря. И мальцу радость, и запомнит если не человека доброго, то подарок из Новгорода: вдруг судьба сведёт город и человека.

Вниз по течению спускаться – как в *Ирий* попасть. Всё становится другим. С одной стороны, лень одолевает, а с другой – думаешь о птицах небесных, о живности неведомой, о богатырях великих. Опасности уходят куда-то на окраины сознания, ты вдыхаешь жизнь и думаешь не о защите и нападении, а о чём-то находящемся на границах твоего понимания.

А ведь жизнь в основном – это брань, а боги всё дают тому, кто среди нелюбиа всеобщего сможет защитить себя и что любо, взять то, что твоё и что иным без надобности. Но человек не просто зверь. От животных его отличают боги, а за то отличие каждый, кто человек, должен чтить богов и размышлять о них. Такого животные не могут. Вот для подобных дум и даётся человеку лень и безделие.

Однако Владимир не слишком и бездельничал. Дядечка его указал на бочку, стоявшую у борта. «Также повторяй, что на коне делал. Сражайся и одним мечом, и двумя, и щитом учись. Только здесь ты на своих ногах стоишь, поэтому мни, как двигаться вокруг врага. Не бросайся напрямик, не руби, застывши. Богатырь не тот, кто вражьего ратника до седла разрубит, а тот, кто с битвы живым вернётся, чтобы сеять и строить да своих детей растить». Так учил Добрыня своего племянника. А чтобы тот не только деревяшками махал, присадил он к княжичу деу

Забаву, статную, рыжеволосую, которая грамоте обучала мальчика. Дело шло медленно, но верно. Не сразу давалось знание ученику. Иногда злился он на себя за неумение, на Забавушку, на дядьку, но учительница ласково трепала его по щеке и убеждала певучим голосом: «Что ты, солнышко моё, всё образуется, силы и смекалка есть у тебя, наберись терпения». И не мог объяснить мальчик, что злость его проистекала от неумения делать то, что дядька делал с Забавой ночью. Она и вскрикивала, и плакала, и смеялась, и всё это происходило не от боли, не от горя и не от радости, а по иной причине, которая пока была неведома маленькому князю.

Так шли дни, и всё недолгие. Путешествовать всегда интересней, чем на месте сидеть. Наверное, поэтому отец его, Святослав, чаще в походах живал, чем в Киеве. Сам же Владимир больше всего полюбил на рассвете и на закате выглядывать на солнце. Смотрит не мигая, а уж как мочи нет, глаза закрывает и представляет себе то божество небесное, то чудищ болотных, то зверей неведомых. В один из вечеров, когда солнечный диск растекался в тумане, как мёд на блюде, появилось городище на холмах. «Киев. Хорош был богатырь. Эх, Днепр-река, жизнь недолга», – вздохнула Забава.

– Ну здравствуй, младший Святославич. Добро пожаловать домой! Я – бабка твоя, Ольга. Отец в походе, пока его нет, я управляю Киевом и наделами, а также на путь наставляю Ярополка и Олега, вот и тобой займусь.

Княгиня посмотрела на Владимира, тот осторожно молчал, но глаз не отводил.

– А скажи, друже маленький, как с братьями будешь общаться?

– Братья мои княжичи, как и я. Они старшие, уважение по старшинству в начале, а затем, как покажут себя, так и будем мир совместный строить. Все мы пока помощники отцу нашему, все мы когда-то бразды его примем с достоинством, – степенно ответил Владимир, как и научен был.

Ольга улыбнулась, ответ ей понравился.

– У меня что спросить хочешь?

Младший Святославич набрался храбрости и выдохнул.

– Бог твой другой, почему? – Он слегка повёл головой в сторону византийской иконы Христа Пантократора.

– Другой, но не чужой, – весомо ответила Ольга. – Верить можно и в твоих богов, они ведь когда-то и моими были. Человек определяется не только словами, во что он верит, но и делами, которыми он богу показывает силу веры своей. Поговоришь с братом своим старшим, Ярополком. Он твоим богам молится, но и христианской верой интересуется. Подумай, о чём хочешь узнать, что смогу, и я расскажу.

– Спасибо, бабуля. Ой, княгиня... То есть великая...

– Великая, говоришь. Да я ж тебе сразу сказала, бабка я твоя. Ладно, вот и познакомились. Дальше поживать будем. А теперь, Владимир, сын Святослава, к трапезе готовься. Проголодался небось?

– А дядю моего покормят?

– Добрыню-то уж точно кормить быстрее всех надо. Это хорошо, что о людях своих думаешь. Всех накормят, не переживай.

Княгиня засмеялась мелодично, словно и лет ей было на полвека меньше. Веселье её подхватили и девушки, и пара дружинников. Так и состоялось знакомство с бабкой.

«А бабуля Олька-то весёлая, не страшная», – подумалось внуку. От матушки не слышал Владимир похвалы особой в адрес свекрови, а о плохом Малуша не распространялась. Уловил, а то и почувствовал княжич меньший, что не в вере княгини дело. Где-то внутри матери Святослава таилась сила великая, и не дай бог (какой бы он ни был) пробудиться этой мощи во

гневе или даже в недовольстве. Все это знали: и Святослав, и Малуша, и Добрыня. Киев весь жил со знанием таким, Новгород знал, а уж Искоростень до недавней поры раны зализывал.

Одна из девушек княгининых попыталась осторожно взять княжича малого за ладошку, а тот не грубо, но решительно руку забрал, отвечал на заботу: «Меч я приучаюсь держать, милая». Народ опять засмеялся. «Пойдём, витязь наш», – в тон ему ответила девушка. И повела его к пирогам с мясом кабанчика молодого, присыпанных брусникой, грибочкам, в гороховые блины завёрнутым, репе, запечённой с ревенем, яблоках в меду и киселём ягодным. Да, в новом доме хорошо, жаль, матушки не было!

Понял быстро Владимир, что жить в Киеве – это вам не коровам хвосты крутить в местечке глухом. Люди и боги, словно места им всем мало на земле, толкаются в граде от Подола до княжеского двора. Очевидно, так суждено было, чтобы стали холмы днепровские серединой пути из варягов в греки, а люди разномастные и вероисповеданием отличные друг от друга, поляне и кривичи, древляне и варяги, а то и ромеи со степняками год за годом собирались здесь для торговли, грабительских походов, защиты себя и своих родичей, молитв местных и празднований и называли себя русами.

Огнём и мечом, изредка словом доходчивым, князья-предки расширяли влияние города, крепили дружину и торговые связи, а уж Великая княгиня Ольга предел киевский увеличила до Новгорода. Так лстыиво шептались меж собой купчие люди, странники, посланники и даже недруги. Сама же правительница, держась веры Христовой, говорила, мол, Всевышний промышляет и ведаёт, а мы либо противимся греховно, либо следуем воле Господа.

Но как бы то ни было, то, что создано богами и людьми, князю малому напоминало реку Днепр, сразу от истока до устья, одновременно и с солнечными, и с ненастными днями, с волной пенной и затишьем полуденным. И действительно, жизнь в Киеве не застывала, не заставлялась. Сам он дивился мыслям своим и понимал, что не со всеми стоит обсуждать такие вещи. Княжьи люди послушали бы его да подумали скверное о будущем правителе. Братья, Ярополк и Олег, на смех подняли. Такие вещи, как ни странно, обсуждал он с совершенно непохожими людьми: с бабкой великой, когда удавалось, и с друзьями, которые не из числа челяди, – Алена и Прозор.

– Ой ты придумщик, княжич, – необходимо посмеивалась Алена, серьёзней же добавляла: – Видеть то, что от других людей скрыто, – дар *Велеса* и *Мокиши* обоюдный, он у бабули-княгини есть.

– И про отца твоего сказывают, что видит он наперёд, где брань намечается, – добавлял Прозор. – Знает, как неприятель пойдёт.

– А как же мне понять, что я вижу, почему я так думаю, для чего мне нужен дар такой? – спрашивал Владимир себя и друзей, втайне страшась: «А вдруг ничего путного не выйдет».

– У каждого по-своему бывает. Мужики славные будущее могут предвидеть, а жёны сведущие, например, ворожбой обладают и прельстительными чарами. Вот как очарую тебя, княжич, только подрастёшь маленько. Буду женой твоей навсегда. – Алена залилась смехом, показывая острые, белые, как первый снег, зубки.

Владимир доверчиво посмотрел на девочку. Дочь старшего дружинника-северянина и ромейки, невеста как попавшей в северные дебри, была на год старше его и знала о чарах, тех самых, явно больше него.

– Тоже мне ещё, жена-чародейка, – пробурчал Прозор, где-то завидуя высокородному другу. – А отец мой рассказывал, что в земле греческой много людей жило, и рассуждали они о том, чего нет, о том, что есть, но не может быть, и о том, чего нет, но вот-вот появится. Философами назывались. И те из них, кто видел и говорил, но не замыслил и исполнил, погрузили своё житие в *прелести*, которые *василиском* опутали и пожрали их.

– Всех?! – спросили в один голос будущий князь и будущая чаровница.

– Почти всех. Выжили те, кто ещё ведал, как меч держать. Урок в этом есть. Коли ум имеешь, не болтай о замысле, коли дар есть, учись управляться с ним как с оружием, как меч не вынимай без причины и не трясись перед людьми приبلудными.

– Вот уж точно, мир наш есть воля и представление богов, а мы видим божественную суть как тени на стенах *нырищ* подкиевских, когда с факелом туда входим. Так моя матушка говаривает, а ей учителя рассказывали, – задумчиво потёрла подбородок Алена.

Владимир же дал себе зарок поговорить с умной бабушкой, чтобы наставления она дала ему, как жить с даром, если он есть, конечно.

Одним словом, мог Прозор заставить размышлять.

В лето 968 года по христианскому летоисчислению бесславно закончился набег печенегов на Киев. Войско Игоревича, по сути, и не сражалось с пришельцами. Враги киевские снялись с лагеря поспешно, а русы для острастки потоптали да порубили тех, кто с основным войском печенежским отойти не успел. Возможно, *баскак* степняков их и оставил, как отвлекающую жертву для несговорчивого владыки киевского. Но разве это битва! Когда в город шествовал Великий князь Святослав, все позабыли невольню и Претича, и тем более Прозора. Как бы ни велика была Ольга и дела её, сын, чьё имя приводило в трепет варяжские скалы, хазарские пустоши, изнеженные города ромеев, был той силой, которая поддерживала и войну, и хозяйство, и богов, и общество киевские.

Победа далась без особого усердия, но киевляне уstraшили предостаточно. Поэтому великого праздника князь киевский не желал, но приказал взять трёх пленников из числа печенегов, двоих молодых, а одного преклонных лет для принесения жертвы *Перуну*. На капище у идола священного разожгли пламя. Напротив, к трём столбам, вкопанным под наклоном в сторону присутствия божества, привязали трёх степняков.

Чуть наклонённые вперёд, чужаки поддерживались сыромятными ремнями в нелепой позе: словно присели на корточки, собираясь прыгнуть, да так и остались с согнутыми в полупрыжке ногами, униженные перед *Перуном*. В отличие от русов, приносимых в жертву по особым случаям, пленённым врагам никакого зелья снотворного не дали. Печенег в годах безучастно смотрел на огонь, который плясал в его неподвижных зрачках. Самый молодой пленник сжимал и разжимал кулаки, двигал плечами, не столько для того, чтобы вырваться, сколько для того, чтобы страх не обуял. Средний же что-то бормотал, а из глаз его текли слёзы. Снисхождения не просили, понимая, что сами они ещё день назад готовы были грабить, убивать и насиловать в Киеве хуже зверей диких.

Белотур – главный *волхв* – обратившись к идолу, указав остриём кривого ножа на жертвы, торжественно заговорил: «Одаряем тебя, *Перун*, за заботу о детях твоих. Прими напиток живой – кровь врагов наших!» За говорящим с богами шли три отрока, каждый из которых держал турий рог. Белотур, шагнув к плачущему, отвернул его шею в левую сторону и безучастно взрезал горло. Нож прошёл к сонной артерии и яремной вене, и из неудавшегося захватчика потекла жизнь. Первый из отроков – Прозор – подставил рог, который несколько мгновений наполнялся живой, тёмной в свете заходящего солнца кровью. Не оборачиваясь и пытаясь сохранить безучастность, как и его отец, молодой *волхв* подошёл к огню и выплеснул содержимое на угли. Жизнь и сила первого из вражеских ратников вознеслась к богу русов.

Толпа зашумела. Двор Святослава, состоящий из опытных дружинников, зашумел. «Любо тебя, *Перун*?!» – громко выкрикнул князь. «Любо! Любо и сладко!» – вместо божества ответствовали люди, сначала воины, потом жёны их, а затем и народ поодаль.

Владимир посмотрел на братьев, которые были на человеческом жертвоприношении не впервые. Ярополк с большим интересом смотрел на пламя, говорящее что-то людям, а Олег жадно наблюдал, как отворяют жизнь второму и третьему пленникам. Младший же брат ощу-

тил, будто жизненная сила, дарованная *Перуну*, касается и его, и всех собравшихся. Впервые он почувствовал невидимые нити, связывающие с отцом, братьями, дружиной и всеми киянами на капище.

Княжич оглянулся: княгини Ольги и её девушек-христианок среди радующихся киевлян не было. Оно и понятно, бабка и мимо капища проходила, губы поджимала да крестом себя осеняла, а здесь жертва человеческая, кровавая. Как переговаривались между собой девушки Ольгины, сама княгиня в молодости врагов не жалела, *укора* не прощала. Приняв же веру Христову, не то чтобы подобрела, но поняла нечто такое, что заставляет людей смотреть на землю взглядом птицы с небес. Так что-то кажется незаметным, что-то – никчёмным, и видишь не одну дорогу торную, а множество путей, которые подвижны, словно реки, и перетекают с земли на небо и наоборот.

Помнил Владимир: первый раз княгиня-бабка взяла его с собой в жилище её бога, когда шёл ему седьмой год. Как сама Ольга заметила, чтобы внук её младший смог узнать другого бога. Запомнил маленький княжич тогда немного: образа, изнутри сияющие, и потоки света в огромном тёмном пространстве, – наверно, поэтому капище христианское собором называют.

В сентябре 968 года от Рождества Христова на день Воздвижения Креста Господня княгиня пошла в собор святого Илии Пророка со всеми внуками. «Не знаю, буду ли через год в силах дойти. Так что бабку свою уважьте, на капищах и потом *уристанья* (скачки) свои успеете отметить». Сил у Ольги на всенощную не было, и с позволения священника выстояла она только малую вечерню. Да и внуки, больше язычники в отца, глас истинной веры слышат, но не приемлют. «Пока не приемлют, да и по-разному все. Ярополк и Евангелие читает. Олег из уважения ко мне помалкивает, да про себя зубы скалит. Волóдик умный, вдумчивый, но сырой пока».

Вслух же напомним младшим родичам: «Как люди другой веры чтят Ярило, так и мы чтим Христа как солнце единственное и при заходе светила молимся и верим, что как свет утром, так и пришествие Христово снизойдёт к нам». И уже откуда-то сверху отражённые от сводов текст молитвы сковал переминающихся с ноги на ногу Святославичей: «*Свет отрадный святой славы бессмертного Отца Небесного, святого, блаженного – Иисусе Христе! Придя к закату солнца, увидев свет вечерний, воспеваем Отца, Сына и Святого Духа, Бога...*»

Потом, на вечерней трапезе (*agapa*, как её назвала Ольга по-гречески) беседовала княгиня с внуками повзрослевшими об увиденном и прочувствованном в христианском доме. Каждый из них по-своему на веру бабули смотрел. Ярополк больше всех и знал, и понимал. Верила Ольга в то, что, когда примет он княжество в Киеве, русы год за годом все уверуют во Христа. Олег, он шалун и баловник, его ни Богоматерь, ни *Мокиша* не волнуют. Приземлённый растёт человек, но не кровожадный. Бог даст, будет толк. Владимир – хоть и меньший, да, похоже, сильнейший и умом, и сноровкой воинской. Но живёт страстями пока. Если не обуздает их, станет врагом злейшим родичам да соседям, а себе и подавно. А держаться они должны вместе. Заставь поди! Вздохнула старая княгиня.

– ...А что же, мы и врагам своим отвечать не должны? И правую, и левую щёку подставлять? – вспомнил Ярополк писание.

– Не принуждает тебя Христос щёку подставлять, да и про другие члены речь не идёт. Говорил сын Божий о том, что в себе ты зла не должен держать. А если зло внутри хоронится, тогда всё для тебя будет «око за око», а жизнь станет не жизнью, а мороком, – ответствовала Ольга.

– Говоришь ты, бабуля, что и жертвы человеческие – зло. Но если в богов, принятых в наших краях, я верю, а они просят крови, что силу им даёт, а уж боги, хоть сам *Род*, хоть *Дажьбог*, хоть *Сварог*, защищают меня, где же зло тут? – подготовил каверзный вопрос Владимир как завзятый спорщик.

– Эх, Волбдик, хорошо вопрошаешь, да в корень не зришь. Что за боги такие, коли им нужны несколько капель крови, чтобы сила была? Мне такое больше упырей кладбищенских напоминает. Мой Бог смотрит в душу мою.

– Люди вокруг не думают так, дружина не думает так, как против народа пойти, – старался подловить Ольгу младший княжич.

– Народ-то не всегда задумывается, если их *жизнота* не касается. Вот представь, что *дружична* твоя, Алена, чья мать христианской веры, избрана будет в качестве жертвы. Подумаешь ли ты тогда, что жребий справедлив был? А вот князем ты станешь в наделе каком, если у воеводы твоего сына или дочь заберут, чтобы кровью молодой кого из богов порадовать, будет ли он верен тебе?

– А ему-то что, успеи *ярить* по-быстрому. – Олег пошутил, как жёлчью сплюнул. – И ей легче смерть принять, и тебе радость быстрая.

Никто и глазом моргнуть не успел, как Владимир нож столовый воткнул туда, где рука Олегова лежала. Брат оказался проворней, ладонь убрал, хотя и не ждал от младшего такой ярости.

– Цыть ты, жёлудь бестолковый! – Ольга не любила скабрёзные шутки, считая их отрывкой языческого бездушия. – Пока жива я, держи *скарядие* в себе, коли не можешь жить без него.

Потом с укором взглянула на младшенького.

– Вот об этом и говорила я. Пошутил Олег, как *гудец* плохой, но не стоит человеку, брату своему, руку отрубать за глупость невольную. В Писании сказано: «*Не будь побеждён злом, а побеждай зло добром*». Правителю во гнев впадать прилюдно вдвойне неправильно.

– Прости, брат мой, не тебя я ненавижу, а гнев меня подтолкнул. – Владимир был искренен в покаянных словах.

– И ты прости меня. Не должен был я такого говорить о друге твоём, кто бы он ни был: хоть иноземец, хоть девка слабая. Не злоумышлял я, а неумышленно обиду нанёс. – Олег утратил свой шутовской гонор, задумался.

– Вот и запомните, как люди, как князья будущие, что *мой Бог* говорит: «*Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих*».

«Плоха я стала, призывает меня Господь», – стала повторять Ольга после печенежской осады. Однако к Богу княгиня явно поторопилась, хотя видно было, что тает она день за днём, как свеча, поставленная на *канон*. «Кажется мне, что огонь за упокой сгорит быстрее свечения, что за здравие. Сгорит и догоняет того, за упокой кого её ставили. И куда всё девается, и душа, и свеча? В никуда, не скажешь. В покои *Мары* не попадают христиане...» Так досадовал Владимир то ли на себя, то ли на бабу-княгиню, которая уходит собралась, недорассказав ему что-то важное. Но Ольга и сама чувствовала, что не договорила.

К последним дням *травня* 969 года от рождества Христова, когда Владимиру шёл четырнадцатый год, слегла Ольга, и понимали все: не встанет. Понимали, но не верили, даже те, кто постарше, кто смертей во множестве видали, думали: «Поживёт лето, а то и осень». А княгиня звала внуков по старшинству и беседовала с ними, с каждым, о его сокровенном. О чём, знали только они. Ярополк вышел бледный, но решительный. Олег покинул бабу заплаканный, каким никогда до сей поры его не видел.

Позвала Ольга и младшего княжича.

– Привыкли мы все к твоим наставлениям, а дальше как – научи.

– Учила бы всех, да ум как орех, – улыбнулась великая бабка, глядя на смурного Владимира.

– Чего опасаться мне, княгиня... бабушка?

– Первое, что скажу я тебе. Себя остерегайся. Братьям твоим не говорила этого, а для тебя – самое главное. Всегда обращай внимание на гнев свой, на думы свои и на прихоти. И второе, тоже сложное. Зеркал кривых стерегись, хоть лестных, хоть уродующих. Ищи себя в правдивых отражениях. Не будет их много, будь внимателен. Иногда и сам себе правды не скажешь. И третье: с верой определись. Она станет твоим главным зеркалом.

– Скажи, а чем плох мир *Рода* и *Перуна*? Он велик и удивителен.

– А справедлив ли он, внук мой?

– Но разве, когда сильный берёт себе всё, что ему принадлежит, это не справедливо?

– А разве то, что ты, самый умный из вас троих, остаёшься на обочине жизни, потому что вера так велит, справедливо? Нет, Владимир, христианство даёт иные пути и человеку, и роду, и всем землям нашим.

Княжич молчал, пытаясь взвесить все за и против, а Ольга продолжила:

– Считала я изначально, что вера Христова будет ключом для вас, Святославичей, который отворит правления на всех землях русов и сопредельных народов. Видела я в ней силу, которая и ханов, и королей уравнивает в мире под солнцем. Посмотри, мы и лето считаем по-христиански, удобнее ведь, весь мир такой счёт времени понимает. Уверовала позже.

– А другие народы что? Неужели мы только ромейскую веру перенять можем? – с неприязнью спросил княжич.

– Ну давай посмотрим. Под стяги христианские стали почти *вечерние* царства. Но другой взгляд у них и на Спасителя, и на человека. От нас они далеки в духе своём, так что общий Бог не сблизит нас по многим причинам. Их понятия о Христе направлены на подавление радости жизни, на укоризну, а не на очищение. Вижу я, что восточноромейское и западноромейское христианство станет раздельной верой.

– А хазарская вера? Сильный ведь народ.

– Сильный? Думаю, мощь хазарская как ручей весенний: до новой луны давит, на новолуние оставит. А касательно того, во что веруют они... Бог у них иудейский, схоже с *моим* вероисповеданием, да не то. В народе с таким божеством доброты нет, а чем больше злобы и недоверия внутри людей, тем меньше что-то обществом они способны. Вот я и говорю, талые воды, не Днепр. Да и те, кто принесли Бога иудейского – жидовины, забывают упомянуть, что своей земли нет у них многие поколения. Так, говорят, Господь нас наказывает. Так что же, нам ли, русичам, неразумных детей слушать?

– А последнее вероисповедание, магометанское? – не унимался Владимир.

– Да, одинакова соха, да пашня плоха. Веруют магометане так, как им удобно для их мест, традиций и привычек. Писание христианское они признают, но поверх него своё писание накладывают. Не можно принять это потому, что здесь примешь ты не веру чужую, которая твоей не станет, а покоришься тому, что далече от тебя и не родное тебе. Дай Бог им, чтобы у себя разобрались.

– Но Бог, получается, у всех один, – нехотя подытожил Владимир.

– Один, един, повсеместен, всеведущ и благ.

Когда липа отцвела, княгиня Ольга призвала братьев всех.

– Я достаточно смертей видела, я сама становилась причиной гибели многих людей. Сейчас, когда мой уход к Богу единственному близится, ставлю я себе целью: сохранить больше жизни и русов, и иных народов. Наказываю вам помнить об этом. Распрей беречься и внешних, и внутренних. Верую, что сказанное в Писании может на земле нашей грешной существовать. Верую я: там, где несть элина и иудея, откроется путь в Царство небесное. Стремитесь к свету, ибо *«Бог есть свет, и нет в нём никакой тьмы»*.

Только заголосила ключница Настасья, княжичи поняли, отошла Ольга в тот мир, где по справедливости и по заслугам оценят дела её и мысли.

«Давал зарок, да не исполнил. Прости меня, бабулечка!»

Владимир, Алена и Ярополк

Когда отпели княгиню-бабку и в землю положили, внук её младший почувствовал тоску, как раньше не чувствовал. Матушку покидал он совсем дитём неразумным, всплакнул украдкой и погрузился в новый мир, который открывался ему день за днём по пути в Киев и в самом граде. А сейчас он был уже отрок рослый, разумом и силой не обижен. Четырнадцатый год приближался, уже задумывался он о будущем своём. А тут выть хотелось волком, вспоминал разговоры с «бабкой Олькой», и сердце заходило. Не говорил об этом никому Владимир, и только один человек почувствовал это, да и то, какой человек – Алена, расцветшая и готовая за мужа уйти.

– Не переживай за бабулю, она в лучшем мире, – успокаивала Алена своего друга.

– Знаешь, Алена, не принято мужу так скорбеть по старухе, даже если она и бабка твоя, и княгиня, – неуверенно отвечал княжич.

– И *сыроядцы*, что в лесах за Смоленском живут, тоскуют по близким ушедшим. А нам ли не чтить наших родичей и не думать о них, которые всегда оберегают своих? Чувства твои нормальны, Владимир. Князь ли, смерд ли. Все мы люди. Об ушедших надо плакать, будь они в Царстве на Небе, как бабуля Ольга, будь они во владениях *Мары* тёмной, – девушка взяла князя за руку, – пойдём недалече от киевского предела, увидишь, как бывает.

Осторожно Владимир и Алена пробирались к реке Лыбедь и вдоль неё в сторону устья. И пока шли, дивился княжич смелости девушки. Места неохраемые. Лазутчики печенегов запросто могли шататься здесь. Да и люд приبلудный, дикий не будет думать, что делать, если горлицу-красавицу встретит одну.

– Не страшно тебе одной?

– Страх, бывает, приходит, но я его в осторожность превращаю. Да и люди не наши, недобрые сами остерегаются всего. А наши дальше Подола не ходят, дороги торные выбирают, а охотники дальше идут. Одна я тут хозяйка.

– А есть ли надобность в *залаз* такой пускаться?

– Пойдём дальше, всё сам увидишь.

Пройдя дубовую рощу, вторглись они в густые заросли молодого леса и кустарника. Было ясно, что впереди пологий речной берег, раз повырастало здесь всего в избытке не столько для человека, сколько для кикимор и лешаков. «Не запомню дорогу. *Томить* будут, ничего не смогу рассказать!» – с каким-то весёлым отчаяньем подумал Владимир. Но Алена уверенно лавировала среди этого лесного беспорядка, и вскоре путники оказались на поляне перед затоном. Ровное место огораживали огромные валуны, словно поставленные неизвестными богатырями-великанами.

– Капище это моё личное. – Девушка обвела взглядом поляну. – Думы мне приходят здесь.

Не сразу Владимир разглядел изображения на камнях. Рисунки были выполнены так, словно работал богомаз из Константинополя. Может, и не везде точны линии, но рука *хытреца* была уверена и дерзка. Княжич вопросительно посмотрел на *дружичну* свою.

– Отче матушки моей *богомазом* ромейским был. Сыновей у него не было, и учил он дочь свою старшую *ухыщренью* почётному. Мама раскрыла мне секреты богомазов – те, которые знала.

Неожиданно для себя Алена вспыхнула, подтверждая своё огненное имя.

– А это с *Мокиш* всё начинается? – догадался Владимир, рассматривая женщину с двумя косами, чем-то отдалённо напоминающую матушку Аленину.

– Да, потому что хозяйка она в мире, где люди живут и боги правят, – уверенно отвечала девушка.

– *Стрибог, Даждьбог, Велес, Перун с Ладою...* Отчего все они вместе, а Род порознь. Это же его образ на самом большом валуне? – Озадаченный княжич указал на мощного старика, который стоял, обдуваемый ветром, где-то не на земле, не на небе.

– Вижу я, что *Род* наш как Бог христианский. Или христианский Бог как наш *присный*. Он то, что не от мира, до мира и в мире одновременно.

– А *Маре* ты тоже кланяешься? – с удивлением спросил Владимир, рассматривая изображение тёмной простоволосой женщины с белыми глазами, напоминавшими пару жемчужин.

– *Маре* я долг отдаю, который ей все живущие должны. Она завершает дела наши, заботы и думы. Эта Богиня для каждого определяет, где *Явь*, где *Навь*. Когда ты уходишь из мира живого, она может разрешить тебе оглянуться, а когда близкие уходят, хозяйка смерти позволит им коснуться тебя на прощание.

Вернулись они до зари вечерней, так что не хватился никто из родичей. Княжич больше думал о том, что Алена рассказывала. Очевидно, поделилась с ним тем, что и своим подружкам не открывала. Так и дошёл в задумчивости. Спросил бы кто потом: «Дорогу покажешь?» – не смог бы, даже если и пожелал.

«Ох, Алена! Непроста ты. Может, ведаешь что, другими незнамо, как бабуля моя? Такая жена нужна князю, чтобы и сердцем слышать, то, что он не замечает». И понял Владимир, что не для забавы водила его странная дочь гречанки в урочище своё. Отпустила тоска, ушла княгиня Ольга, легко проведя бестелесной ладонью по щеке внука на прощание. Оставила младшего княжича искать самого себя, мир людской выстраивать и мир божественный искать.

Никто не скажет, что брат старший, семнадцатилетний Ярополк, был злым или жадным. Но отец их общий, Святослав, и по возрасту сына, и по прихоти своей уделил старшему отпрыску больше времени, чем другим. Меч, правда, первый Святославич держал хуже отца. Да что там, и Владимир пусть с трудом, но ломал старшего брата не силою, но мастерством и сноровкой. Но некоторые уроки великого князя пытался исполнять Ярополк даже в ущерб своей натуре. «Старший – этот тот, кто сильнее. Он вправе брать то, что считает положенным ему». Если сам Святослав-победитель так сыну говорил, разве мог он противиться наказу отцовскому?

Старший, он пытался быть главным над братьями, да чаще не получалось это у него, чем удавалось. Олег не ставил под сомнение это старшинство, но любил насмехаться слегка. Вроде и обиды нет серьёзной, но сказано то ли в укор, то ли с насмешкой. Впрямую ощеривался на первого Святославича он редко. Владимир всегда старшинство брата признавал, являл послушание, но... до определённого момента. Где-то внутри младшенького была даже не стена, а так, струны будто из гуслей в душе натянуты, которые трогать не стоило никому. Для каждого из близких и дальних была своя струна. Знал про них Ярополк, к брату меньшому с осторожностью относился.

Старший княжич в свои семнадцать был статен, темноволос, с глазами карими. Больше матушкиной крови было в нём. Пробивающуюся бороду он сбривать начал, а усы оставил: так отец делал. Девушки из *челядинок* Ольгиных вились вокруг него. *Чаги* молодые краснели, хихикали и шли в светлицу Ярополка, коли он приказывал, победоносно окидывая взглядом товарок своих.

Беда первого Святославича была в том, что сам он не ведал, чего хочет. Знал Ярополк, что он будущий великий князь киевский, но это была воля Святослава. Согласно отцовской воле, он и с мечом обращался, и на советах присутствовал. А его прихоть выглядела иначе: когда-то прельстили его рассказы княгини Ольги о христианском укладе, о прекрасных соборах Царь-

града, о величественных патриархах. Сам же Ярополк мечтал несбыточно о том, что станет он *экзархом* русов в один прекрасный день. Мечты старшего княжича дальше затуманивания разума не шли. Больше видел он себя в одеянии священном, чем душу свою в христианстве.

Вряд ли занимали мысли о Боге княгини Ольги его думы, вряд ли слышал он родных богов, когда те напоминали ему об ответственности за престол киевский. А отец больше за Дунаем Русь искал, не вникал он в мысли Ярополка. Так дни шли с Милавой, Жданой, Забавой, Радмилой, Усладой и многими другими. Время остановилось на Алене. Видел старший княжич её и раньше. Знал он, что девица эта – *дружична* его младшего брата. Известно ему было, что она дочь одного из сильнейших дружинников Святослава – Ингевальда. Да всё это пустое. Вдруг стала девушка желанной игрушкой, которую он ещё не заполучил только потому, что в промедлении прелесть находил.

Засматривался будущий владелец Киева на Алену сначала исподволь, а потом глазел без стеснения. Было чем любоваться. Тело было ладное. Ступала, как лебёдушкой плыла. Волосы светло-русые, в косу забранные, в такт ходьбе двигались, подчёркивая талию осиную и *гузнышко* в форме ягод аппетитных. Когда оборачивалась дружинникова дочь, так дара речи и мужи опытные лишались. В отца достались ей овал лица с мягко очерченными скулами и губы чувственные. Но вот очи её! Глаза Алене от матери-гречанки достались. Иссиня-чёрные, неваряжские, неполянские, какие-то колдовские не по-местному.

Дочь Ингевальда видела, как смотрит на неё старший княжич, и старательно избегала встречи с ним. Да от князя, даже юного, убежать сложно, разве что к другому господину или из *Яви* в *Навь*. Ярополк понимал это, и как зверь *голодный* круги сужал, и в один день подошёл. Схватив за плечи, заговорил:

– Что ты, горлица, чураешься меня? Разве не я господином киевским буду?

– Я не чураюсь, княжич старший, а ишу другого.

– Другой-то ненадолго, побаловаться, – с раздражением сказал Ярополк.

– Дак и ты не свататься, а другой мне дорогим явился до того, как сосцы мои видны стали и хотящим, и смотрящим, – не скрывая насмешки, заметила Алена.

– Может, *пенязь* серебряная тебе нужна? – и злобно, и растерянно спросил Ярополк.

– Не *житом* люди живут, а согласиём. Бери в узду свои *рачения*, Святославич, чтобы беду не накликаешь на себя да на других. Князь ты будущий, а князь не только хотеть, но и взнуздывать себя должен. Отпусти меня. Так-то лучше. Владимиру не стоит говорить о непонимании нашем, и я смолчу. Прощай, Ярополк.

Старший княжич ещё какое-то время стоял как идол степняков. Виделись ему глаза Алены: когда-то зовущие, а в этот раз чёрные как угли, страшные как ад, которым его пугала старая княгиня. Отошёл он в задумчивости, не заметив, как за напряжённым разговором согладаясь из тени выглядывал младший Святославич, держась за рукоять ножа поясного.

Было ясно, что покидает младший княжич город любимый. Святослав настоял, принял, как он считал, выгодное решение. А само выгодное решение ему хитрый Добрыня подсказал. Мол, Владимир – последний сын, куда его девать. А так присмотр за Новгородом будет. Младшенькому же дядька глаза на иное открыл: «Новгород вскоре поболее Киева будет. Город далече, и собачиться ни с братьями не придётся, ни со степняками. Богатые *Фряжские* земли рядом, торговля идёт бойко. На войны новгородцы много денег не тратят, все доходы приумножают. Кто знает, может, минует десять лет, и княжение новгородское будет киевского важнее».

Так, на пятнадцатом году жизни суждено ему было вступить в правление Новгородом. Казалось бы, вот он здесь, а не успеет луна новая прийти, будет уже в другом мире, холодном, нелюдимом. Вверх по Днепру путь не близкий, но благодаря *погостам*, учреждённым хозяйственной княгиней Ольгой при жизни, неудобств больших странники не претерпят.

Августовское солнце 970 года по христианскому летоисчислению перекашивалось на вторую половину дневных забот. Подготовка к отплытию шла полным ходом. Киевский теремный двор готовился отправлять князя молодого. Помнил Владимир уговор с *дружичной* своей, Аленой: как тень от угла терема в полдень двинется на стопу, идти за южные ворота, где она будет поджидать его.

Как и год назад вела княжича, сей час Алена увлекла вот-вот князя Новгородского по верховью Лыбеда. И если год назад Владимир и девушка его болтали скорее как дети, не замечая того, что вокруг, то теперь путь недлинный изменился. Или они поменялись? Лес подкиевский выглядел зачарованно, словно *берегини* прошлись по тропе, известной только Алене. Поляна была всё та же, капище личное всеми глазами следило за пришедшими.

– Очищаю я себя в водах. Так гибель и беду отвожу. И тебе перед дорогой надобно.

Алена ослабила *гаишник*, скинула *понёву*, оставшись в одной *сорочице*. С каждым новым шагом в воду прозрачную она медленно приподымала край одежды. Её ноги в толще воды стали ещё белее, словно в воде девушка становилась иным существом, неземным, как русалка, только жизни полная. Оглянувшись, она скомандовала без стеснения: «Что стал, так и будешь киснуть, ратник храбрый!» Шагнула ещё раз, на мгновение обнажив *лядвия*, и отпустила ткань, которая, постепенно намокая, вновь окутывала водяную часть Алены.

Князь чувствовал, как краснеют его щёки, шагнул поспешно в реку и, подымая листву старую на дне затона, двинулся к девушке. Алена протянула руку. А Владимир, направляясь к ней второпях, поскользнулся на основании неверном, и они вдвоём бухнулись в воду. Вынырнув, расхохотались оба, будто русалки их защекотали в несколько мгновений, что они под водой были. «Будем сегодня вместе, чтобы не жалеть о несвершённом», – шепнула Алена, прижавшись к нему.

Уже когда огонь кострища разгорелся, а они сидели уставшие, глядя на пламя, княжич задумался, да и девушка молча выжимала волосы.

– Быть с рабынями научили меня братья. А сегодня было другое, неведомое мне доселе. Ладушка моя. Как я завтра Киев покину?

– С попутным ветром покинешь... – Алена улыbnулась юноше, как улыбаются, глядя на летящих на юг птиц. – Мы росли вместе, а встретились только что. Грустно и радостно мне, Владимишка.

«Только *дружичка* мой летит на север, где подхватят его неведомые мне вихри», – невзначай подумалось девушке.

– А я ведь могу отказать. Отцу, новгородцам, дядечке...

– Не можно это, потому что Долг у тебя, от которого ты отказаться не вправе. Перед матушкой далёкой, перед бабулей ушедшей, перед собой. Боги не требуют моментальной уплаты, они лишь смотрят, что ты сделал в мире своём, чтобы оценить, чего ты будешь стоить в грядущем.

– Алена, так это всё?! Закончилось, когда понимаешь, что всю жизнь бы жил так.

– Всё заканчивается рано или поздно, а пока обними меня.

«Батюшка ты, Огонь-Сварожич! Услышь меня да поворотись ко мне. Прими кровь мою, когда нужда будет, только сожги да спали с *дружки* моего Владимира-княжича болезни и скорби, страхи и переполохи. Отведи, Огонь-князюшка, от него руку злодея и слово лживое. Молва моя – договор с тобой. Как моё обещание сильно и крепко, так и ты помни, пока жива я», – шептала одними губами Алена.

Владимир и Святослав

Сколько бы ни появлялся великий князь Святослав в нелюбимом Киеве, вряд ли радовались этому его сыновья. Ярополк не был человеком, готовым посвятить себя воинскому искус-

ству, а к чему душа влечёт старшего отпрыска, русского *пардуса* и не сильно волновало. Олега правитель киевский периодически гонял и за ратное дело, и за книжные знания. Ни того ни другого не любил средний сын. А выказал бы интерес к своим детям, глядишь и жизнь пошла у тогдашних отроков иначе. Ведь был интерес у Ярополка к княжению как к миссии божественной, можно было его с ученьями *стратигов* ромейских познакомить. Олег же, как не любил охоту, был крепок в понимании хозяйства. Считал лучше всех ключников вместе взятых. Но что одно, что другое не были в глазах святославовых ключами к власти.

Злые языки говаривали, что сильно досадила старая княгиня, когда сына своего вынудила отослать Малушу из Киева. Наверное, это было последнее решение Ольги наперекор воле своего сына, дальше Святослав матушку свою выслушивал, но делал всё по-своему, и не было уже у мудрой женщины сил принудить своего буйного сына, поступать не как степняки, а как рачительный хозяин земли русов. Но очевидно, что сильно он любил свою вторую жену. Пусть не названную при всех, но для великого князя ставшую единственной, на краткое время. Поэтому, как говаривают, опять же, Игоревич стал недолюбливать матушку свою. Владимир же служил живым напоминанием: мог Святослав оставить красавицу-Малушу при себе да не сделал этого. А ведь она его нрав буйный сдерживала, тоску дикую могла зашептать. Было бы Солнце у правителя Киева, да закатилось оно некстати в дальнюю сторону.

Это был редкий день, который запомнил младший княжич так же, как и другие, может, более *пресловутице* в его жизни. Шёл ему то ли восьмой год, то ли девятый год. Чувствовал Владимир, что кто-то наблюдает за ним, да не мог понять, кто и откуда. Понял он, что это не кто-то из отроков или матёрых дружинников, но что за человеке, не улавливал. Да и времени, чтобы разобраться в чувстве, царапающем его, не было. Бой шёл пусть и шуточный, но единственный. Так его Добрыня учил: «Упражняешься, когда хоть с мечом, хоть с палицей, хоть с другим оружием, считай, что в бою. Не спросит поединщик против тебя о том, есть ли настроение у тебя, грустен ли ты или весел, он *живот* твой забрать пришёл».

Уработавшись мечом до пота, перешёл младший Святославич к дротикам. Положил семь штук возле себя, окинул взглядом щит-мишень, из пеньки связанный, и примерился. Затем, давая повод отрокам-дружинникам выразить привычное восхищение, одну за одной положил копья лёгкие в цель. Метал Владимир *сулицы*, как груз с себя стряхивал – легко, но всем телом разворачиваясь вместе с рукой правой. Видно было, что может бросок оружия метательного разорвать доспехи не только пеньковые, но боевые.

– Не сильно я умел метать *сулицу*, когда впервые пришлось в бою оружие испробовать.

Дрогнул Владимир. Перед ним, закрывая солнечный диск, стоял его отец – Святослав. Конечно, он видел его и раньше, в окружении дружинников, *тиунов*, сотских, конюхов и другого люда, необходимого любому правителю. Великий князь был не угрюм и даже улыбался.

– Здравствовать тебе... Великий князь, – потерялся сын, неожиданно отца увидев.

– Да, в твои годы не мог я так копием лёгким цель разить. В мече хорош ты, но попробуй, когда с высокого замаха рубишь, не отходить назад после удара. Знаю, все советуют наоборот, и правильно. Если промахнёшься, дашь врагу пару мгновений достать тебя. А ты попробуй к вражескому ратнику ещё шаг сделать с правой стороны своей, а его левой. Если надо, пригнись под его руку. Чтобы врагу догнать тебя, придётся развернуться. Научишься быстро подшагивать, оставишь его разить туда, где тебя нет. А ты в это время меч назад воткнёшь в спину или *выно*. Тем и закончишь.

Как не растерялся Владимир, а совет оценил сразу. Правду говорят, великий ратник Святослав!

Потрепал Великий князь сына по клоку волос, такому же, как и у него самого. Пошёл дальше.

Был пир, который Святослав устроил то ли чтобы матушку помянуть, а может, чтобы Киев нелюбимый ему краше виделся. Стол был накрыт на три десятка человек. Кроме мёда разливался *парубием* редкий болгарский *Мавруд* из долины Марицы. Любил киевский властитель напиток этот и тащил корчаги с заморским вином на север. Сыновья-погодки возле отца сидели, больше молчали. Близкий круг Великого князя веселился, буянил. Хозяин Киева же вроде усмехался в усы, но видно было, что думы во множестве одолевают его. Глаза оставались будто вымерзшими.

Уже позже, когда к полуночи дело шло, младший княжич некрепко дремал, а сквозь сон доносились крики хмельных дружинников, зашёл к нему Радко – молодой *гридень* княжеский.

– Не обессудь, княжич Владимир, отец призывает тебя. Снаружи он двора теремного.

«Спасибо на том, что малым княжичем не назвал, – думал Владимир, шагая впереди ратника отцовского. – Хотя прошло детство. Братья мои и не так взрослей меня, как казалось раньше. Умом не выше, силою не больно превосходят». Отметил он про себя, что Радко пропустил его впереди себя и шествует сзади как охрана княжеская.

Святослав покачивался на двух ногах, с пятки на носок, с носка на пятку. Делал он это не от воздействия выпитого. Глава его была запрокинута вверх и смотрел в звёздное небо с каким-то детским восторгом – эх, бывает же такое! – и с детской жадностью – собрать бы все звёзды да швыряться ими в чёрном царстве *Ящера*!

– *Оленуха-мать* и *оленуха-дочь*. Ведают они делами неба по приказу *Рода*. Очищают дорогу солнцу, тая под утро. Так и люди. Живём мы и вершим дела наши, пока в силах, а сами не ведаем, как очищаем дорогу и народу другому, и времени иному. Думаю я, о чём люди скажут? Где я действовал вправь, а где вкривь?

– Каждый свободный человек задумывается об этом, отец, – удивлённо заметил Владимир.

– Ай да! Не каждый, кто зовётся не рабом, свободен, думает не каждый, кто называется человеком, а уж выводы делает и того меньше. Смотри!

Великий князь достал из-за пояса ножище, похожий на жертвенный нож волхва киевского Белотура. На рукояти из рога неведомого животного красовались копии созвездий-оленух. Маленькие *яхонты* лазоревые были утоплены в массивную твердь, будто звёзды в ночное небо.

– Оленухи небесные! – выдохнул сын.

– Нож этот силу в себе содержит. Он крови пролил не меньше, чем меч мой, но не в битвах, а на капищах. *Волхв* Угрюм, будучи бездетным, подарил мне его. Наказ простой был, пока ты на войне, храни его, как битвы все в своей жизни окончишь, зарой его в землю. Все свои!

– А разве бранные дела наши заканчиваются когда-нибудь? – вновь недоумевал младший княжич.

– Так я понимаю, говорил Угрюм не о сражениях с врагами в мире этом, а о битве, что ведётся ради того внутреннего солнца, что внутри каждого человека: и мужей, и жён. Бабуля твоя по-христиански душой звала этот свет, – задумчиво ответил Святослав.

– А как узнать, где и когда заканчивается бой внутренний?

– Тайна это для каждого своя. Прилетает *Семаргл* посланцем от богов наших и сообщает. Кто-то услышит призыв, кто-то поймёт, что нет больше гнева в нём, кто-то воочию увидит чудо-зверя.

– И у жён брани свои есть? – осмелел Владимир.

Невпопад заговорил Святослав:

– Я любил Малушу с первого дня. Люблю её и сейчас. Для меня она не ключницей была, не рабыней, а ладущкой. *Истое* её – это любовь. И даровала она её мне, одному во всём мире. Если бы не молилась она христианскому богу, матушка моя, княгиня Ольга и не обратила

бы внимания на наши игры. И моя судьба другой сложилась, и Малушечка в мёде да молоке нежилась, и ты рос бы не в обозе.

Показалось на миг младшему княжичу, что глаза Великого князя, победителя хазар, *вятичей*, ромеев, болгар и других, кем бы они ни были, наполнились слезами. Показалось, видать! Потому что вслед заходили желваки у отца, сжал зубы до скрипа и пошёл прочь. Владимиру лишь бросил он на прощание: «Свою войну я не закончу при жизни. У тебя есть сила и мою, и свою брань завершить».

Владимир думал об отце своём изредка, не к месту. То с восхищением вспоминал рассказы близких Великому князю, то раздражался, вспоминая, как на него глянул Святослав, что ему сказал Святослав. Во сне младшему княжичу привиделось, что какой-то кривоzubый печенежский хан убил отца невесть где, на южных рубежах, о которых сам княжич только в песнях и рассказах слышал.

Тогда весна заканчивалась, но было по ночам прохладно. Владимир же взмок от пота. Не засыпая толком и не просыпаясь, ворочался он и вспоминал – есть ли что-то главное, что сказал ему отец. Чувство у него было, что ничего более Святослав не добавит, кроме ранее сказанного.

«Не даст крещение мне силы больше, чем есть».

«Богов чту я, но они в *Яви* иной обитают, а у нас рука сильная, да дружина верная чудеса делают».

«Матушка моя бестолкова в войне, да в мире правильна. Я ж, наоборот, плохо знаю, что делать на земле без войны, а брань вижу и понимаю. Если научишься и то, и другое сочетать, обретёшь величие, равное императору в Царьграде».

«Я за *живот* свой не боялся, о Киевском наделе не думал, да и о стране русов тоже сильно не переживал. Что делал я правильно, за то почитать меня будут. Где ошибался, сыновья исправят, как и их править будут сыновья сыновей».

«Не ругайтесь до брани, а будет война меж братьев, думайте о земле русов более, чем об обидах своих, о родичах больше, чем о богах, о Солнце внутрих больше, чем о *животе* своём».

«Предупреждала мама. *Посмотришь когда-нибудь на все дела свои, которые совершили руки, и на труд, понесённый тобой, чтобы совершить их, и вот подумаешь: всё – суета и волнение духа, и нет от них пользы под солнцем!*»

Так и уснул Владимир, не стараясь в полудрёме разобраться, что говорил отец и когда, а что не говаривал, да сын услышать хотел. Даже утреннее солнце не расставило по местам думы ночные.

Прозор и Алена

Год как Владимир на Новгороде княжил. Киев жил под дланью старшего Святославовича – Ярополка, а точнее, поставленных к нему воеводы, *шубашей*, *тиуна*, ключников и иных людей, без которых князь не князь. Даже девушки-невольницы были выбраны его отцом самостоятельно, те, кто знает своё место и оповестить готовы в случае беды или сомнений у молодого правителя. Сам подопечный *разора* в подобном не видел и в глубине души своей даже гордился этим. Злые языки болтали, де, Святослав ругался: «Даром, что старший, волю дай, так возьмёт пример с бабки своей, в дом Илии на Подол метнётся поклонами расшибаться!» Для того, чтобы избежать склонения Ярополка к «вере слабосильной», как отец говаривал, призван был Белотур для помощи киевскому властелину. Прозор же входил в надзор за общением между богами и людьми.

Снег неспешно засыпал град. Зимний вечер, как всегда, разогнал киян по домам. Самая длинная ночь года несла праздность и умиротворение. Кто чем занимался. Но зима – это состояние около *Мары*, только не столь пугающее. Как бы *Навь* растекается белёсым покрывалом, за которое хочется заглянуть. В рубленных избах, полуземляных срубках, коих в городе на Днепре было с избытком, и в простых землянках люди делали то, что отличает человека от всего мира, – они говорили, спорили, рассуждали, делились страшными и весёлыми историями. В жилищах мёртвенный покой зимы попирался вышивкой и прядением, изготовлением и починкой инструментов, рождением новых игрушек для детей и внуков. И, конечно, пряли, чтобы Солнце удлиняло свой путь по небосклону. Так русы приручали зиму и побеждали царство нежити.

И из полуземляного сруба со слюдяной оконницей (редкая вещь) вблизи Теремного двора слышен был гомон и смех.

– *Волхва* будешь ты великая, Алена! Грядущее видеть так, как ты зришь, ни отец мой не может, ни его отец.

– Может, оттого, что по отцу у меня *кобь* варяжские да словенские ведьмы, а по матушке знахари да *хытрецы*, видящие сокрытое. А бабка отцовская, говаривают, и *василисков* взглядом одним останавливала.

Алена состроила личину ужасающую. Впрочем, Прозора это не испугало, и, наоборот, он залился смехом. Девушка же толкнула его в шутку, но чувствительно.

– Ой, Алена, забываешь ты, что мир, он меняется от сотворения. Не зря *волхвы* говорят: «Знание – сила». Мать мира царила когда-то, родила она остальных богов и, когда исполнила волю свою, укрепила землю собой. Но через неё остались у жён силы зачаровывать и предвидеть.

– То-то боишься ты меня, Прозорушка. Знаешь, посмотрю на тебя, и станешь пленником моим навечно ты.

– Да я хоть сейчас, чаровница.

– А вот заколдую, заворожу я тебя, Прозор. Станешь псом моим подле меня, станешь кречетом моим в небе, рыбой-щукой моей в водах далёких и близких.

– А что же ты, Алена-солнышко, Владимира не околдовала? – с подвохом спросил молодой *волхв*.

– Иная судьба у него, – уже серьёзней ответила чародейка. – Сильнее ворожбы и моей, и любого другого, кто силой тайной обладает.

Ещё на Купалу *заладились* Прозор и Алена. Были они с детства близки, а когда Владимир стал князем новгородским, дружба молодых киян переросла в чувства более плотские. Так они осенью и стали семьёй. Обряд свадебный подтвердил, что готовы муж сильный и жена молодая быть одной кровью друг другу: яблоки по столу разметали, петуху для умилоствления *Лады* голову отрубили да кровью капище полили, хмелем маковки и *рамена* молодым посыпали... Всё прошло как должное. А как напоминание, чтобы берегли молодую семью от нечисти, по углам рябина была развешена.

Так и зажили они, как и многие молодожёны, да не совсем. Дар пророческий Алены распускался как цвет папоротника в Купальскую ночь, даром что холода начались. О видениях своих помалкивала молодая *волхва* и даже от Прозора, знающего, что такое тяжесть предвидения, скрывала многое. Нетрудно это было потому, что ведала Алена капищем Мокши, сносилась с богиней и юных девиц приучала сообщаться с дарующей урожай и приплод верным способом. Поэтому Аленины слёзы о грядущем видел только идол женского образа да через неё Пряха Великая.

Летом делом занимаются люди. Им не до тревог, не до волнений, разве что любовные переживания в самый жаркий день томят. Настоящее лето ставится бесконечным как *подань* в зной. Жизнь обретает черты нескончаемых «здесь» и «сейчас»: ни утомительные занятия, ни вечерний досуг не разрывают бесконечности существования. Только любовные игры, как ни странно, делают осмысленным застывшее время, да обращения к богам худо-бедно толкают колесо времени.

В такие дни и вернулась дружина Святослава, но не полностью, без него. Когда измотанные *огнищане* во главе с вдруг постаревшим Свенельдом вошли в Киев раньше Великого князя, народ в городе начал перешёптываться. А после, когда выжившие с Днепровских порогов доволоклись, ясно стало, что перевернётся в Киеве многое. А к добру или худу, только гадать оставалось.

Гибель Святослава кияне восприняли по-разному. Но в большинстве своём радости не выражали, но горевать не горевали. Не любил ныне покойный Игоревич город, и Киев ему отвечал тем же. Но ждать перемен было недолго. Был Ярополк вроде и приветлив с горожанами, но не казался им своим человеком. Святослава поругивали, но гордились им за подвиги его, за славу, которая и Киев осеняла в сравнении с другими княжествами и волостями. Сын же его на киевском престоле не искал подвигов далече, но и не спешил киевский предел изменить.

Его странные отношения с богами вызывали у горожан понятное недоумение. Показывал он веру богам русов, но не склонялся к какому-либо «своему». *Перун* и *Велес*, *Стрибог* и *Мокиш* – все ему были безразличны. А избавившись от отцовского надзора, Ярополк очевидным образом стал благоволить христианам. Будь это суды или прошения, благосклонность к тем, кто крест носил, становилась с каждым днём очевидней. Всё это не находило понимания у киян. И добро бы, были за плечами Ярополка, походы и завоевания или хотя бы намерения грандиозные, люди бы махнули рукой на многие чудачества, но ничем не поража́л их скучный новый Великий князь.

Даже его воевода Свенельд из варягов постепенно начинал раздражение вызывать. Всё чаще вспоминали, как пришлый ратник Игоря не уберёт. Подмечали, как сыновья его – Лют и Мстиша – безобразничают. Того и гляди, вместо русов – полян, славенов и даже древлян с кривичами – начнут варяги хозяйничать. «Понаехали тут, – бормотали пока беззлобно, но с осуждением. – Бога своего притащили. Житья скоро не будет в Киеве».

– Конечно, не Ярополк виной всему, – первоначально защищал своего ровесника Прозор. – Всё на земле меняется. Только *Мары* царство застыло в недвижимости.

Алена же, не терпевшая нового правителя Киевского, ядом изливалась:

– Внешне красив, нутром без сил. Он с *чагами* только силы имеет. По-иному не сможет.

– Поражаешь ты меня, Алена! – недоумевал молодой *валхв*. – Чем досадил так великий князь? Хорош он, плох ли, не разумею мы пока.

– А тем и досадил, что живёт, как свет не просил. Жди, Прозор, и слова мои попомнишь. Разгонит Ярополк говорящих с богами, а то глядишь и потопит тех, кто сбежать не успеет.

– Видишь ты будущее, Алена, – Прозор сделал эффектную паузу, – только к лешаку князя нового.

Парень сграбастал подругу и запечатал уста её поцелуем, который, как он верил, заставит Алену забыть о злосчастном Ярополке. Да, кстати, и о Владимире. Муж и жена со смехом покатились со *скирды*.

Вересень года 972 от Рождества Христова был мягкий и тёплый. Змееход осенний пусть и с опозданием, но начался. *Аспиды* уходили в пространство между *Явью* и *Навью*, готовились к долгой зиме. Там и тут возле углов домашних ставили последнюю крыночку молока для ужи-

ков-господариков, чтобы хранили они дом и очаг и во время спячки. Змеи хотя и родственники *Ящера* тёмного, но одновременно и Мокоши дети.

Как *волхва* капища Алена их провожала особым способом, демонстрируя уважение и материнскую заботу под стать богине. Лёгким свистом подзывала знахарка гадов дружелюбных, набирала в рот молока и поила малых и больших ужиков. Раз, и гадюка невесть откуда заползла (обычно не любят они крупные городища). И её тоже одарила молоком из своих уст *волхва*, наказав на прощание: «Как я добром тебя одариваю, так и ты отдай долг свой, когда время настанет».

В такие дни лучи осеннего солнца слабыми лентами выются вокруг полупрозрачных деревьев. Ночная прохлада пока не вызвала желание затопить печь, но предвещала очевидное: сырость, распутицу, дожди и туманы. Но пока Мать давала понять зверю, что пора и честь знать, люди словно отряхивались от летней жары да летних работ и впадали в неистовство праздников, отодвигая зиму, пугая самого *Карачуна* и его *хортов* косматых.

А пока зима не пришла, да и осень только вступала в свои права, шумели русы по городам и сёлам, где громче, где тише. Были свадьбы и застолья, начинались дети, устраивались игрища. В такие дни нетрудно выскользнуть за городские ворота. Киев рос, но заповедная тропа вдоль Лыбеди к истоку пока не была городом, а значит, местом опасным и злым. Впрочем, Алена прилагала силы, чтобы веяло колдовством от этих мест, а значит, сама она могла беспрепятственно пробежать к заповеданному месту.

Перво-наперво говорящая с богами разожгла костёр у валунов огромных. Издалека его видно не было, а если кто ближе подойдёт и сполохи на ветках увидит, так побежит из места гиблого. Все знают, что так русалки путников прельщают. Сама Алена, скинув одежду, зашла в воду и прошептала: «Дочки матери своей, русалки-чаровницы, сестрица я ваша по *Мокиши*. Очистите скверну дня с меня, снимите заботы как капельки пота!» Вернувшись к кострищу, девушка оделась, поставила *чару* с заранее налитой водой напротив огромного валуна и обратилась к пламени: «Огонь-Сварожич, дай свет мне, который Солнце не даёт, открой тропу от очей моих до дней последних».

Из поясного кошель Алена достала засушенные цветы шалфея и дурмана и осторожно положила на поверхность воды. Костёр уже не тревожил ночь пламенем, а словно неведомое животное из раскалённых углей свернулся у куска скала. Зверю огненному *волхва* положила тонко нарезанные куски мяса чёрного барана. Огнище зачмокало, дымом выдохнуло – выказало довольство.

Но как бы ни довольны остались боги, грядущее – вещь странная. Ни высшие силы, ни люди не в состоянии узреть его целиком. Видение будущего как камни с горы осыпаются, успевай заметить да сам под камнепад не угоди. Говаривают, что некоторые провидцы теряли себя в грядущем. Человек не может пройти туда. Посылает дух свой, выдыхая сущность свою туда, где ему только предстоит быть. Главное, потом вернуться не забыть, не прельститься образами иной жизни до забытия, до полоумия.

«Покажи мне их там, где мне не бывать!» – звонко выкрикнула Алена и погрузилась в недолгий транс. Костёр засыпал; *волхва*, сидевшая ровнёхонько от макушки до седалища, вдруг судорожно и хрипло вздохнула, душа обратно влетела. Провидица завалилась навзничь, утратив равновесие, открыла глаза, изумлённо оглядывая поляну. Из глаз текли слёзы. «Беда вам, Святославичи, горе нам, русам, боги наши покинут землю, разбредутся по *украинам* мира».

Новгород и Владимир

Опасался Владимир своего Новгорода зря. Люди сами просили у Святослава младшего княжича, считая, что человек он резкий, но отходчивый, за близких переживает, а враждовать ещё не научился. Новгородцы выказали готовность быть своими для него и принять молодого

князя как новгородца. То, что новый правитель не был рождён в Киеве, а явился на свет в псковских землях, добавляло приязни со стороны местных жителей.

Конечно, не был Новгород по-киевски велик и обширен, близко не стоял к престолу великокняжескому. Лукавил Добрыня, когда рассказывал о граде как о северном Киеве. Но прельстил град на Волхове нового князя иными достоинствами. В отличие от киевского люда, *словене* ильменские были проще. Смекалку и хитрость свою направляли на дела торговые больше, чем на суету у княжеской лестницы. Если в Киеве от Подола до Теремного двора девки судачили, кто из княжичей как одарить может, а смерды с дегтярных и кожевенных рядов с дружинниками обсуждали злоумие ромейское, то новгородцы в простоте своей о том, что во дворе, рассуждали больше, чем о том, что в Ильмень-озере на дне.

Однако не всем хорош был Новгород. Люди торговые могли веселиться покруче дружинников святославовых. И если в Киеве княгиня Ольга за внуками своими присматривала, ни мёда, ни вина заморского с избытком не дозволялось, то Новгород сам пришёл к Владимиру с напитками хмельными и скоромными удовольствиями. Глава торгового люда привёз новому князю для обустройства двора сразу трёх рабынь: первая, *словенка*, с волосами пшеничного цвета; вторая из болгарок, волосами чёрного, как воронье крыло, цвета; и, наконец, из *чуди* девица, рыжая, как солнце вечернее в Ильмень-озере.

– Смотри, князь, не твои это *казнобы*, а *прелагатаи* Новгорода, – мрачно предупредил племянника Добрыня. – *Еться* с ними сколько желания есть, а сокровенное не изливай и планы свои не обсуждай.

– Спасибо, дяденька, за беспокойство. Да, я вижу, что дар корысть определённую имеет. Не думаю, что с умыслом зловредным, скорее из осторожности.

– Прав ты, княже, но раз знаешь, будь настороже, – бурчал Добрыня. – Проверив, что в руках за спиной, человеку доверять легче.

Но сдержаться невозможно от излишеств, когда в тебе силы на пятерых, кровь кипит, а соблазны как фигурки из сладкого марципана: сколько ни ешь, по-прежнему хочется. Иногда и днём задумается Владимир, исподволь наблюдая за какой-нибудь из троицы горлиц разноволосых, и понимает, что одной марципановой фигурки всегда мало, какая бы вкусная она ни была, и верится, что следующая будет вкуснее.

К лету 972 года от Рождества Христова в Новгород прибыл дружинник отца Радко с новостями о гибели Святослава. Принял Игоревич смерть от руки печенежского хана Кури, когда после тяжёлых боёв с ромеями вынужден был отступать к нелюбимому Киеву.

Кметич был измучен, и понятно отчего. Выдержать пришлось битвы неравные в Болгарии, путь неблизкий пройти от Днепровских порогов. По приказу князя своего он вышел со второй частью войска, которое вёл Свенельд. Исполнял Радко волю Святослава – последнюю, как стало ясно через короткое время.

Последняя воля Игоревича составляла послание троим сыновьям. Каждый из молодых князей *олафу* получил согласно разумению отца. Наперво к Ярополку дружинник сопроводил красавицу Ирину, пленённую греческую монахиню. Очевидно, такой была последняя шутка Святослава, знавшего о склонности первенца к христовой вере: когда-то божья невеста станет игрушкой князя киевского. Олегу, чей ум остёр был да ленив и непостоянен, передал он *хартию* некоего премудрого ромея Льва Математика (книга вызвала интерес среднего незамедлительно).

Радко полез за пазуху и, раскрыв тряпицу, достал нож волхва Угрюма с созвездиями.

– Велел передать отец слова: «Сможешь завершить моё и своё, будешь Солнцем новым в стране русов». Более ничего не добавил.

«Свою войну я не закончу при жизни, видать, – припомнил Владимир высказывание Святослава. – У тебя сила есть и мою, и свою *брань* завершить».

– Пусть благосклонность богов пребывает с тобой, Радко, что я могу для тебя сделать? – задал князь новгородский традиционный вопрос.

– Позволь остаться мне, княже, подле. Некуда идти мне после гибели отца твоего.

– Дозволяю. Дядечка мой определит тебе место в новгородской дружине, – и после мига краткого добавил: – Дорог мне клинок принесённый. Помнишь, в Киеве отвёл ты меня к отцу? Никогда мы так долго не говорили... Всё ли у тебя, Радко?

– Благодарю тебя, князь мой. Добавлю, что услышал, но судить не берусь. Ярополк – хороший человек, но слаб он духом. Когда рядом с ним муж сильный, брат твой, ну чисто дитя несмышлёное: и верит на слово, и исполняет необдуманно. Свенельд, воевода Игоря, Ольги, Святослава, а теперь и Ярополка, вошёл в силу. Два сына у него – Лют и Мстислав, – для которых он хочет дорогу расчистить. Сейчас варяг – лучший советчик князю Киевскому.

– Поясни, кто ты и почему ты здесь. – Новгородский князь старался выглядеть сурово не по летам.

– Здравствовать тебе, великий княже! Зовут меня Путила. Я гость новгородский, купчаю в Западных морях, Киеве и Царьграде. Плачу *податок* установленный, а сюда пришёл за справедливостью. Человек подле меня – Нежат, должник мой, который займ свой не признаёт и отдавать не хочет. Взял он у меня в долг десять кун серебра, обещался к моему отплытию за море вернуть *ногатиной* и *векишой*. В счёт долга самолично прописал он условия договора нашего, и готов был ему вернуть *бересто*, как только он мне уговоренное количество пушнины вернёт. Зима прошла, возврата нет, а человек коварный ни серебра, ни шкурок не показал. Как змеюка подколотная ластился, *шпынь* поганый...

– Я выслушал тебя, Путила. Князь великий у нас в Киеве сидит. А теперь хочу и Нежата выслушать.

– Здравствовать тебе, Новгородский князь! Исполнил я свой уговор, ходил к северу у *мери* скупал шкурки. Такое ремесло у *офней*. Всё сполна отдал Путиле. Вернул он грамоту мною подписанную, вот она.

– Видел кто, как ты, Нежат, обещанного мехового зверя передавал?

– Отец мой видел всё, но... – грустно начал предполагаемый должник.

– Хороший человек был Воислав, да покинул он нас, в царство *Мары* ушёл. Вот и выкручивается теперь, окаянный, а я ведь ради отца помогал ему. А чтобы напрасно не говорить, принёс я *бересто*, Нежатам записанное. – Путила начал волноваться и трясти ларцом, в котором, очевидно, лежали хозяйственные грамотки.

– *Блядословие* всё пустое и наговор! – вспылil Нежат.

– Ну тише! – гаркнул Добрыня.

Владимир растерялся, но виду не подал. Казалось, дело простое, а теперь исхитрись, как справедливо решить, да дурнем не выглядеть, да время попусту не тратить.

«Сечь кнутом, пока не признается», – шепнул его советник-дядечка.

Остановил его жестом юный князь. Думал он быстро и придумал.

– Скажи мне, уважаемый Путила, в ларце добротном у тебя в руках грамотки хранятся о делах купчих и дворовых?

– Да, справедливый князь, – радостно сообщил обвинитель.

– Когда ты в долг даёшь, отбираешь *бересто*, написанное должником. Но и сам ты обязательства налагаешь на себя, так ведь?

– Есть такие грамотки. Храню я их на случай спора с моими займодавцами.

Владимир, насколько мог, громогласно объявил:

– Суд княжий требует от *гостя* новгородского передать грамоты, написанные им, и долговое *бересто* Нежата. Вам же обоим приказываю я привести двух человек, которые за вас готовы слово держать. Новгород не Киев, четверти дня после полудня хватит вам. Сюда и вернуться с людьми своими.

Участники княжеского судилища недоумённо посматривали друг на друга, а про себя глумливо поругивались: «Молод князь наш Владимир, растерялся».

Полдень и четверть дня отошли. К участникам княжеского суда присоединились со стороны Нежата его молодые друзья – Завид да Гостила. Путила же привёл равных себе торговых людей – Ждана да Шуйгу, *гостей* богатых. Обе стороны недобро поглядывали друг на друга, но хранили тишину, ожидая княжеского слова. Владимир, держа в руках пять грамоток, заговорил:

– Я изучил пять *бересто*. Две спорных грамоты: одна написана Нежатом, что он представил, другая, что у Путила хранилась. Добавлены к ним три других свидетельства: *бармы*, написанные Путилой, что он и сам подтверждает. Из пяти грамот одна отлична от всех. Нежат молод, много работы тяжёлой выполняет, линии резки и неровны, выстроены, как лес на болоте; у Путилы буквы красивые, понятные, важно ему, что он пишет, не торопится. Каждая из сторон пусть оценит сказанное князем.

Отрок-дружинник поднёс грамотки обвинительной стороне, терпеливо выждал, забрал *бересто* и продемонстрировал ответчику и его людям. Нежат и его друзья загалдели. Обвинитель покрылся пунцовыми пятнами.

– Есть что сказать борющимся и их сопровождаемым? – Владимир оглядел присутствующих.

– Да уж, сказать нечего! – пробормотал Ждан. – Как говорил кто-то из мыслителей древности, Путила друг, но истина дороже.

– Решение моё таково. Всё отдал сполна Нежат, о чём свидетельствует *бересто*, им написанное и возвращённое обвинителем. Та грамота, что хранил Путила, поддельная. За сим *прения* прекращаю, а гостю новгородскому приказываю *урок* в один *кун* серебряный отдать неправомерно обвинённому, а один – в казну князя.

– Что, Путила? Утёрся хвостом кобыльим! – задорно выкрикнул Нежат.

«Князь-то молодой умён не по годам, внимателен, справедлив к людям», – переговаривались участники судилища. Вскоре так рассудил Новгород.

Владимир и Добрыня

Войну новгородцы не любили. Не то чтобы воевать они не умели или трусливы были, скорее практично рассуждали: идти воевать кого-то за тридевять земель – предприятие сомнительное; а их *борониться* дело хлопотное – кто в медвежий угол полезет, по дороге растратишь более, чем приобретёшь. Поэтому и было у них постоянное ополчение чуть больше сотни мечей, как-то обученное. Этого было достаточно и для дозоров, и для сбора дани. При необходимости торговые люди могли вооружить ещё сотни три горожан без труда, но пользы в этом не видели.

Владимир, будучи сыном воинственного Святослава, внуком мудрейшей Ольги, не мог представить себе – как можно жить так вот, не беспокоясь об обороне? Даже у Олега дружина в триста мечей была, а ведь Искоростень не был заселён как Новгород. Не говоря уже о том, что интересы града простирались до Камня. Виделась молодому князю в таком положении дел какая-то несусветная глупость, ближе даже к умалишённости, чем к обычной неосмотрительности.

Масла в огонь подливал и Добрыня, который, посматривая на несуразные тренировки горе-воjak, грубо заявлял излишне уверенным в себе ополченцам: «Я *елдак* сильнее втыкаю, чем вы мечом рубите!»

Но пока новый князь дивился воинской бестолковости новгородцев, Добрыня взял в оборот городских ратников, которым суждено было стать дружиной княжеской. Начал он с того, что поделил воинов на десятки: девять обычных бойцов и один старший, кто опыт хоть малый имел и в силе по сравнению с другими был. Всё воинство дядька князя разделил на три части, также поставив по «малому» *ипату* над каждым.

«Упустим сейчас детали – в настоящем бою тыкаться будут наши *кметичи* как *бераны* испуганные», – пояснял Добрыня свою тщательность.

Но везение Новгородскому князю, а может, в большей степени его дядьке, свалилось на голову неожиданно. Точнее, из-за моря. Варяжский ратник Сигурд Эйриксон знал о том, что в восточной стране Гардарике может неплохо заработать любой, кто имеет голову на плечах и меч уверенно держит. Ну а то, что молодой правитель Новгорода воинство создавал, Сигурд воспринял как подсказку богов. Явившись к княжескому двору, на ломаном языке русов, но уверенно пояснил, что у себя на родине он был не только рубака, но и *ярл*, то есть воевода знатный.

Появившись в дружине, сын варяжьего племени добавил свои задания для обучения дружинников и подхватил начинания Добрыни. Последний, впрочем, не сразу принял соратника иноземного. «Язык наш коверкает, что пёс лает», – какое-то время порывкивал наставник княжеский. Однако продолжалось недовольство Владимиров дядьки недолго: знал пришлый воин и дело своё, и место своё. Освоившись, снискал благорасположение Новгородского князя, понимание Добрыни и уважение дружины. Из десятника перешёл он в воеводы и стал правой рукой княжеского доверенного. С дядькой и коротал Сигурд время от забот и отвлекался от тоски по северным скалам, неспешно цедя из *братины* горьковатый ильменский мёд.

– А скажи мне, друг Сигурд, может, бежал ты отчего-то или от кого-то из страны родной?

– Можно и так сказать, Добрыня. Не то что опасался за *живот* свой в настоящем, сколько видел угрозы в будущем. *Концунги* варяжские, князья по-вашему, начинают междоусобицу на ровном месте. Любят они искать камни преткновения, а затем делить их. Не настолько я знатен и велик, чтобы на роль *концунга* претендовать, а *ярлом* идти к кому-то, победу зарабатывать для безумцев нет желания. Вот так я новое место в жизни и нашёл.

– Хватает ли тебе этого места, храбрый Сигурд?

– Я понимаю, к чему ты клонишь. Не соперничать я сюда пришёл, а жить. Жизнь же для меня – это други, плечом к плечу стоящие, и я среди них. И точно скажу тебе, Добрыня: если внутри дружины склоки и свары начинаются, то те, кто жизнью недоволен, потеряют её при первой же встрече с ворогом. Знаю я, что могу и большим войском командовать, считаю, что и кроме ратного дела на многое способен. Но если я жизнь воспринимаю как исполнение долга перед дружиной, то остальное полагаю я искусом всемогущей судьбы, колдунов злокозненных или дьявола христианского.

– Верю отчего-то я тебе. Немало людей на веку повидал, но ты, Сигурд, особенный хоть среди варягов, хоть среди русов.

Ратник заморский благодарно кивнул, а Добрыня закончил:

– Семья моя – жена Сияна, малолетний сын Калит. Кроме них один человек родной – Володик. И верю я, что станет он одним князем и для всех русов. Что бы ни случилось, Сигурд, держись Новгородского князя, пока на Руси живёшь.

– Новгород, князь, хорошее место. Пусть далёкое, но бойкое. Вот дружину подыдем мы, говорить будут с нами иначе и Ярополк, и Олег, – уверенно заявлял Добрыня.

– Эх, дядечка, сколько нам ни стараться, с древлянами ещё, может, сравняемся, – с сомнением отвечал Владимир. – Да и то не сей час, не сей год. Про киевский престол я и не говорю. И если у Ярополка и Олега дружины были, нам приходится и учить, и строить, и собирать, и латать. А ведь братья мои тоже не дремлют на полатах.

– Правда твоя, княже мой, да не вся, – не сдавался дядечка. – У них всё привычно, хорошее видно, радуются они тому и не видят путей, как лучше сделать. Не *имут* опыт чужой, свой опыт не мыслят. А плохое, что в ратном деле есть, без надзора оставляю. Прибавь к этому Сигурда, он вовремя появился.

– Иной путь я вижу, Добрыня. – Князь Новгородский хитро прищурился. – Давай поразмыслим. Сколько бы мы дружину ни строили, всегда уступим мы киевской. Значимо для нас не только воинство новгородское, но и знания определённые.

– Ох, Владимир, удивляешь ты меня своими мечтаниями.

– Послушай, Добрыня, нам надобно то, что и у других есть, да делают это они время от времени, да без дальнего видения.

Дядька сердито замотал головой, слушая племянника. Владимир же хохотнул, стал серьёзен и продолжил:

– Учредить *расочество* нам следует безотлагательно. Без этого и оборону занимать, и дружину в поход отправлять – всё равно что в кости играть.

– Во, князь, во, племяш, во, даёшь! – Добрыня понял мысль Владимира и вмиг оценил перспективы такого начинания.

– А, дядечка, видишь! Мечтаю высоко да хватаю близко. Думал я многожды о предложённом. Вот смотри: сколько *гостей* у нас в Новгороде – больше, чем в Киеве. Ходят они к германам и варяжским берегам на *закат*, к Царьграду на юг. Торгуют они с *кривичами* и *вятичами*, *полочанами* и *древлянами*. И, главное, весь Днепр они проходят, в Киев заходят. Вот они, наши *доброхоты*.

– А к гостям в обоз мы пристроить можем и *огнищан*, у которых ум и мастерство воинское сочетаются. – У княжеского наставника дух захватил от открывающихся возможностей. – Если *ворон* потребует до прихода основной дружины и *кощя* захватить.

– Торговые люди казне ни *пенязя* не будут стоить. Но вот *предлагатаи* будут расходами нашими, однако если грамотно мы будем искать людей нужных, то выгода превысит затраты многократно. Киев мне видится первым местом для поиска и устройства людей таких. Дальше, конечно, Искоростень, где Олег княжит. Менее важные, но тоже значимые – Полоцк, Смоленск и Чернигов. Ну а дальше и про ромеев можно думать.

– Да, Владимир, впору тебе замахиваться дальше, и великим князем величать будут. Для второго начинания подбирать стоит наших людей в *расочники*. Не обязательно из *огнищан*, но военное дело они должны разуметь. Они же и *посок* устроить смогут.

Князь Новгородский обратил внимание на ожидания амбициозного дядечки, но отвечать не стал. «Сложно молодым терпеть, бывалым – жалеть, а старикам – хотеть», – повторяла Алена родительскую премудрость. «Как ты там, в ярополковом урочище, Солнце моё алое?» – не к месту подумал Владимир.

Владимир и Олег

Данила Пскович, первый *расочник*, осторожно подбирая слова, рассказывал о том, что ему через людей своих в Киеве было известно. Пусть сведения были не полными, как глазыбусинки рассыпаны, но картина была красочной и не к добру очевидной. Путался Ярополк в своём княжении, как ребёнок в зарослях орешника. Не был глуп старший брат или трусоват, но не имел он целей явных на киевском престоле.

Первое, что ясно было и разведки особой не требовало, – Свенельд правит Ярополком. Пройди по рядам на Подоле, и спрашивать не надо, услышишь все пересуды касательно несамостоятельности князя. Интересным было и то, что кияне не роптали на такое положение дел. В отличие от других варягов, старый воевода держался веры предков, жертвовал обильно, *волхвов* поддерживал. Хотен – *тиун* княжеский – его человеком был. Блуд – *шубаш* киевский – ежедневно к Свенельду отчитываться бегал. Весь Киев больше под опытного военачальника строился, чем под великого князя.

Ирина. Гречанка. Красотой лика отличалась, очи бледно-голубые слегка навекат, *брыси* ближе к воронённому, а волос светлый, как сноп пшеницы созревший. Станом была крупна, но подвижна. Коротко если, жена красоты редкой, но не единственной. Была она скромна, судьбу свою приняла безропотно. Ярополк старался угождать ей в мелочах, чтобы жилось ей безбоязненно, а когда свадьбу тихую сыграли, бывшая монахиня начала уверенно хозяйством в княжеских покоях управлять. Пока только в княжеских покоях.

По слухам, *праздной* она ходит, а на вопросы мужа своего отвечала, что, мол, вышла она замуж за язычника, поэтому и зачать ребёнка не удаётся сразу, сначала отмолить прощение требуется у бога Христа. Станный господь, конечно, был у этих христиан, считали одни. Другие же полагали: так склонит она и владыку киевского принять веру нелепую.

В Киеве же и волостях окрестных народ волновался, передавал рассказы одна чуднее другой. В иные времена и дурью объявили бы, а сейчас слушали говорунов бестолковых и внимали им, *зевала* пооткрыв. Но что было правдой, опять степняки свои дозоры к границам Киевского княжества направляли, *сторожа* печенегов от правого берега Трубежки до Чернигова мелькали. Ждали беспокойные времена.

Средний брат, Олег, пытался поговорить с братом. Направил гонца с посланием написанным и на словах наказ передал: желает встретиться с Ярополком как с родичем старшим, по-семейному. Киевский князь близко к сердцу принял обращение древлянского собрата, но, как и должно, решил посоветоваться с воеводой. Свенельд уже знал о грамотке Олеговой, и ответ его был подготовлен заранее.

Когда правитель киевский беседовал с ним, варяг указал Ярополку на то, что обращение младшего родственника правильное, но не полное. Правитель киевский оттого и зовётся великий князь, что властвует он не только над киевскими волостями, но и над другими русскими землями. Об этом умолчал Олег. Поэтому, вольно или невольно, оскорбил древлянин старшего брата, отвечать ему не следует и держаться необходимо настороже. Сам же Свенельд, по рассказам его приближённых, был удручён и грозился припомнить Олегу его неуважение. Понимали умные люди: опасался воевода Ярополков, что заберёт часть влияния средний брат.

Перед началом весны так бывает: если зима была малоснежной, на конец *сеченя* осыпает небо снегами чащобы и поля, будто пытаясь продлить зиму. Так было и в 973 году по христианскому летоисчислению. Серое небо сходилось с белёсыми холмами, и если бы не полоска леса, то можно было подумать, будто небо, полное снега под тяжестью своей неспешно сползало на землю. Посреди этого столкновения небес и тверди двигалась цепочка путников: около десятка всадников и однолошадные сани. Процессия двигалась бесшумно, будто вышла из иного мира. Плохо укатанный путь давался им с трудом, иногда казалось, что люди и животные дёргаются, как куклы-марионетки, не сходя с места. Но нет, с каждой минутой они становились явственней. Было очевидно, что всадники и кони вполне материальны и осязаемы. Через какое-то время можно было заметить пар, выдыхаемый живыми существами.

Целью путников было неприметное село, Невеликие Луки, где по тайной договорённости ожидал гостей князь новгородский. Приезжие были людьми непростыми: князь древлян

– Олег, его воевода Тихомир и девять опытных ратников. Встреча двух братьев, двух князей состоялась после недолгого письменного сношения.

Увидеться Олег и Владимир были готовы и ранее, однако место встречи подыскивали тщательно, а затем и путь выбирали разумный. Меры предосторожности были тщательные по одной причине: князь Полоцкий, Рогвольд, сын Роговольда, хоть и был самостоятелен в делах своего надела, к владыке киевскому относился с осторожностью, как к силе, которая превышает возможностей Полоцка. Владыка полоцкий был человеком продуманным, а себя видел ещё более хитроумным, чем являлся на самом деле.

Поэтому Олег и вынужден был проделать длинный путь. В Смоленске без труда можно было наткнуться на *доброхотов* рогвольдовых. Удобное поселение – Невеликие Луки – относилось к Полоцкому княжеству, равно как и к Новгороду, слишком заметны бы были столь высокие гости. В самом же граде Владимировом также могли быть *прелатами* хоть киевские, хоть полоцкие. А узнай об этой встрече Ярополк, сразу с шёпота Свенельдова он вывод сделает о том, что злоумысел против него младшие удумали.

Во двор князь новгородский вышел брата встречать в рубахе да простых сапогах, раскрыв объятия наперёд. Олег, самый могучий из братьев, в весе прибавил, с мороза раскраснелся, но подвижность не утратил. Из саней выскочил легко и бросился в братские объятия.

– Брат мой, друже мой! – зычно прогудел князь древлянский.

Коней скоро расседлали и определили кого на месте, кого в соседскую конюшню. *Огнищане* обоих князей за общий стол были посажены, а Владимир с Олегом, Добрыня и Тихомир засели в крошечной светёлке, где стол, накрытый в присутствии столь огромных мужей, казался игрушечным, как будто девочки незрелые собрались играть в семью. Но детство вспоминать у переговаривающихся особо времени не было. По крайней мере, так считали древлянские гости.

– Насколько известно мне, собирается Ярополк печенегов воевать. Те то ли от неразумности своей, то ли от жадности безобразничают в пределах киевских. Несколько семей с князьками мелкими, без труда их Ярополк раздавит. Но на такой мелюзге потренируется, только сильнее станет.

Олег многозначительно умолк.

– Это дело Киевского князя – за порядком следить. – Владимир пока не видел причин для беспокойства. – Важнее то, что наш старший брат дальше удумает.

– Правда твоя, князь новгородский, но есть один *лютынь* зловерный, который всё, что ни задумает Ярополк, повернёт против нас. – Воеводе Олегову явно имя Тихомир не подходило. – Я говорю про Свенельда – вот кусок требушины, мухами засиженный.

– Он – правая рука Ярополка. Делает то, что и должен делать первый *шам* Великого князя. Я понимаю, други, к чему вы клоните, но хочу остеречь вас. Не вижу пока *залаза* для нас от Киевского владыки, по крайней мере явно. А вот то, что замыслы Ярополковы под влиянием его воеводы могут угрожать нам в будущем, тут я согласен. Ловить каждую весть из Киева надобно, как девушки на первого жаворонка загадывают.

Так разъяснил свою позицию господарь Новгорода.

– А вот что о планах его известно нам, – вступил в диалог Добрыня, – *расочники* наши открыли. Намерен Ярополк отправить посольство с дарами богатыми к германскому князю Оттону Великому по весне в Квидленбург-град на праздник, которых христиане отмечают. Вера во Христа любезна брату нашему со времён, когда бабуля-княгиня о христианстве рассказывала, а сей день и жена его греческая Ирина ежедневно об этом какает.

– Может, и мы шаг схожий предпримем: с христианским князем германов задружимся? – возбуждённо заметил Олег.

– Не будем торопиться, брат. Здесь нам только догонять придётся Ярополка. Выгода от этого сомнительная. А вот он пусть шлёт людей. Пока ни Христос, ни люди, поклоняющиеся богу ромейскому, почтением особым на Руси не пользуются.

И опять сложно было возразить Новгородскому князю.

– Но сидеть сложа руки мы точно не будем, – буркнул Олег.

– И не надо. Дружины тренировки требуют, здесь необходимо опережать Киев. Ополчение тренировать, чтобы, если гроза послышится, в строю у нас стояли не просто смерды, которым мечи на потеху выдали, а ратники, пусть не великие, но обученные строй держать и врага разить. А делать всё это надо тайно.

Владимир подытожил беседу, но не стал распространяться о том, сколько потратил он на разведку, разведчиков и всех, кто сопровождает это секретное дело.

– Вот это дело! – воскликнул Тихомир.

– А я, брат, новый город как столицу древлянскую отстраиваю. В Овруче теперь стяг свой подыму. Будут времена спокойнее, будь гостем моим, Владимир.

Мёд уже подействовал на суровых мужей, да и обсудили они всё важное. Дальше хмелели больше, хвастались, смеялись, вспоминали.

– А помнишь, – громко говорил Олег, захохотав раньше, чем рассказ закончит, – тебя привезли только из Псковщины, мы пошли, дурные были, за девками, которые на Купалу в Днепре бултыхаются да с русалками сговариваются? На склоне глиняном спрятались, а каждый норовил шепнуть о том, что видел якобы больше другого.

– Мы к краю ближе и ближе подползали, друг друга подзуживали, – захохотал младший брат вслед среднему. – Ох, как покатались под ноги девкам.

– Под ноги, под ноги. Разве что устами в *луно* не ткнулись, – всем телом затрясся от хохота Олег...

Так и спать разошлись, и весёлое, и грустное вспоминая, говорили и о *горнем*, и о *скардном*. Засыпали без тяжёлых дум, как мальчишки, уставшие от летней беготни.

Утром разъезжаться собрались по-скорому. И уговоры вспомнили, и обсудили, как хорошо посидели. Оба воеводы стояли рядом, усы подкручивали да в них улыбки прятали. «Хорошо, когда владыка держит где-то внутри себя мальчишку непокладистого. Такой человек, что бы ни натворил, ещё может и сам исправиться, и людям добро сделать».

Владимир вдруг тоску ощутил, глядя, как десять всадников и сани с вырезанными знаками-оберегами на задке к югу обратно устремились. «На *полдень*, но от *Ирия* далекоовато будет!» Было у Новгородского князя чувство, что брата Олега не увидит он более.

Шумно было в княжеских покоях. Князь новгородский взял за привычку, а для дружины своей порядок ввёл – собираться вместе, радоваться удачам, обсуждать неуспех. Владимир присматривался к мужам дружинным, выделял отроков успешных в ратных делах. На людей из ближнего круга поглядывал – кто заносится сверх меры, кто сам в себе думы переваривает даже на людях, кого шум тяготит (или скрывает что?), кто упивается вусмерть, а кто бодр до самого конца застолья.

Когда нет войны, питьё хмельное – лучшее испытание для человека. *Мёд ставленный* с анисом и тмином, *мёд варенный* с яблоками и земляникой, берёзовица, квас зверобойный и, что позабористее, *олуй* полынный, *сикера* ячменная с мёдом – все они и проклятьем для дурака и слабосильного могли стать, а умному и выдержанному человеку и покой принести, и с сердца тяжесть снять.

Участники застолья откланивались князю и удалялись неверными шагами из *гридницы*. За длинным столом остались трое.

– Брат твой, князь древлянский, умён, силён и решителен, но горяч без меры, – заговорил о недавней встрече Добрыня. – Жаль и воевода его, даром что Тихомир зовётся, правителя своего никак не сдерживает. Чует моё сердце, беду накликают на себя, и никто не предостережёт.

– Брат мой горяч, но не мамки мы зрелого владыку древлян на путь наставлять, – Владимир высказал то, что у Добрыни и Сигурда на языке вертелось. – Должны быть мы вместе, чтобы силу Ярополка уравновесить и Свенельда предостеречь. Но если будет Олег чудить без меры, не наше дело его занозы вытаскивать.

– Осмотрительность для князя такая же благодетель, как и храбрость, – вставил Сигурд и продолжил: – Дружина и ополчение наши кой-чему научились, мастеровитей стали, надеюсь, придёт бранный день, и храбры будут. Но не сравняться нам по числу ратников с Киевом, а равнять надобно, пусть не один к одному...

– Это понятно, но как уравнивать мы сможем? – нетерпеливо прервал князь.

– Можем, княже. Наперво, *чудь*, и *водь*, и *ижору* в дружину принимать. Народец это бедный. Если не каждый новгородец сына готов отдать для служения в дружине и, уж что таить, гибели возможной, то этот люд будет гордиться сынами такими. Много не стоит собирать, вместе бестолковы они будут, да и учить их дольше придётся, но на четверть дружины и на треть ополчения набрать таких ратников стоит.

– А ведь дело говорит Сигурд, – вставил расчётливый Добрыня. – Если ещё подать снизить тем селениям, которые вооружат ратников своих, думаю, затрат у нас меньше будет.

– Ну а второе, – продолжил варяг, – на скалах *урманов* и *свеев* много воинов голодных, которые рады будут мечом себе богатство добывать. Об этом я готов поговорить с тамошними воеводами-ярлами. Войско пришлое на Руси даже из моих соотечественников набирать не стоит, а вот усилить ими новгородскую дружину, полезно будет.

– Эх, как обычно, Сигурд дело говорит да забывает кое о чём. – Добрыня хитро улыбнулся, отметив недоумение на лицах собеседников. – Олег женат, пора и тебе, князь, не только горлиц по светёлкам да баням гонять, но и о наследниках подумать. Вот, может, и ты, Сигурд, подумаешь да княжну варяжскую в невесты князю Владимиру присмотреть...

Владимир и медленное Время

Привык Владимир к трём невольницам, которые и хозяйством занимались, и мужскую доблесть в князе приумножали. Настолько привык он к ним, что обращался к ним по прозвищам, которыми награждал полонянок. К болгарке, что воронёного крыла волос имела, обращался Ёжка, так как волос тот, который у людей взрослость отмечает, у неё был жёсткий и колючий, при том, что характер был мягкий. Словенку из местных, чьи волосы напоминали сноп пшеницы, он звал Млака из-за её белоснежной кожи, а сама она была и смешлива, и озорна, как молодая кошка трёхцветная. Её и домовые побаивались. Ну а *рудую* из чуди – Огниво, и потому, что рыжая, и потому, что загоралась в миг сладострастия, и что интересно, в жизни была молчалива и нелюдима.

Так и шло княжеское время: размеренно и привычно. Что непокорное племя чудьское погонять, что невольницам доблесть продемонстрировать, что судебные дела разрешать. Даже кровь первая, пролитая в стычке с разбойниками, отняла его сон на одну ночь, а потом как-то и привычной стала казаться, хотя не был Владимир жестокосердным по натуре.

В год 974 от Рождества Христова вернулся от норвегов Сигурд Олафсон, да не один. Пугал дядька женой князя своего, а вот теперь сбылось. Воевода, сам из норвегов, привёз княжну *урманскую*, Олаву. Пока не думал Владимир о семье, пора, так пора. Больше поди-вился деве заморской.

Из ладьи спешно выставили помостки. Пара ратников стала вдоль борта, и на сходни поднялась княжна из варягов. Оглядела их недобро, руки не позволила подать и шагнула с корабля на пристань. Обратил внимание князь новгородский на то, что, как спиной развернулась девушка к сопровождающим, варяги, слывшие отважными мужами, через левое плечо незаметно щепотку соли невидимой кинули. От сглаза и колдовства. Непроста была горлица заморская!

Олава была одета неприметно, наряд походил на русское женское одеяние, но пошит был не в традициях русов. Сверху была надета однорядка типа кафтана русов из бурой, по-крестьянски окрашенной ореховой скорлупой грубой шерсти, подпоясанная тёмно-зелёным поясом. Одежда не летняя была, но для морского путешествия нелишняя. Простой верхний наряд был одет намеренно, он скрывал более богатую одежду – льняной сарафан цвета тёмного *смарагда*, а под ним *сорочища* с варяжским круглым вырезом цвета солнца в тумане. Из-под одежды проглядывали *черевы* из кожи тонкой выделки. Только приглядевшись, можно было заметить серебряные фибулы искусной чеканки, соединявшие лямки сарафана с полотном. Платок тёмно-синий был накинут на голову, а краями обёрнут вокруг шеи, закрывая тяжёлое серебряное ожерелье. На руке были браслеты с бирюзовыми очами.

Сигурд, поджидавший её на твёрдой земле, подал руку девушке, которую она благо-склонно приняла. Очевидно, воеводу новгородского она считала за ровню.

– Принимай, князь, жену наречённую, Олаву, дочь покойного конунга Рогбока.

– Здравствовать тебе, князь Вальдемар, принимай ту, которая берег родной оставила, чтобы твоей быть. – Девушка заговорила на русском и с достоинством отдала поклон.

Была тонка и стройна Олава, как осинка, выросшая на скалах варяжских. Казалась больше девочкой, чем девицей. «Детей-то тяжело ей что носить, что рожать будет», – мелькнуло в голове у князя. Волос у княжны *урманской* был тёмный, но до вороного крыла не доставал, брови тёмные казались нарисованными на бледной коже, губы цвета земляники недозревшей были полные, рот крупный. По-своему она была красива. Можно подумать, глядя на девочку-княжну: «Станет тихой послушной женой». Но вот очи её были как будто и не под стать Олаве. Прозрачные, как у *Мары*. Они то крылись поволокой, и не понять было, в каком мире пришлица из норвегов. То глаза, словно сами по себе, просыпались и смотрели куда-то в собеседника, хоть князя, хоть невольника, так, будто видели в человеке больше, чем он сам о себе знал.

«Будет удивление от неё», – с каким-то опасливым восхищением почувствовал Владимир. Вслух же он добавил традиционное:

– Привет тебе, моя наречённая, от меня и от Новгорода. Весь терем княжеский – твой. Будь княгиней моей, стань хозяйкой и для покоев, и для града.

И глядя на то, как её соотечественники выгружают короба со скарбом и приданым, спросил:

– А много ли прислужниц с тобой?

Хрупкая Олава, подбоченившись, ответила:

– При нужде жена сама может обихаживать себя и фамилию, князь мой Вальдемар. Со мной же только дочь няни моей покойной. Я обещала позаботиться об Инге, приняв к себе.

С прибытием Олавы время не стало течь быстрее, оно стало отсчитываться иначе. Свадьбу прошли, жизнь семейную повели, Олава неспешно, исподволь, но порядки свои наводила. Первое, что молодая жена сделала, – убрала троицу невольниц, пояснив это так, что и перечить не стал князь новгородский: «Тех, кого ты без меня знавал, убери, поверье такое. Все жёны знают: мужское желание дальше совместной опочивальни идёт, но то потом. И ещё, говорил твой дядька, согладатаи они торговцев новгородских. А я вот вижу, что так они болтать привыкли, что весь град обсуждает, что же пьёт князь, *ерит* кого да недоволен кем. Непорядок это, Вальдемар».

Так и зажил Владимир с супругой *урманской* и открыл для себя ту часть жизни, которой раньше был лишён, не понимал и видел издали. Выяснилось быстро, что в худосочной Олаве сил на двоих, а воли на десятерых. Держала молодая княжна весь двор в своих тоненьких ручках железной хваткой. Вскоре и дружинники новгородские пугались замечаний дочери далёкого *конунга*, словно мальчишки нашкодившие.

Сам же князь новгородский время от времени думал, что жена варяжская, должно быть, похожа на его бабулю Ольгу характером. А ещё после свадьбы снилась ему далёкая Алена. Давно такого не было. Во сне не укоряла, а даже будто кивала одобрительно. «Разные девки, но сдружиться могли бы», – такая нелепица думалась в полудрёме.

Новости от специальных мужей, *расочеством* занятых, также поступали, капля за каплей, иногда интересные, но, как правило, скучные, такие, которые сообщают, чтобы молчание не затянулось. О том, что удачно сходил князь киевский на печенегов, знали все и без выведываний. Племя степняков было малочисленным. Победа над ними была невеликим подвигом, но малозаметный князёк печенежский, имя которого больше со смехом упоминали, присягнул Ярополку. Дружина киевская к своему господарю относилась по-прежнему с малым доверием, а при рассказах о походах ли киевских ратных людей, о брани ли, всегда присовокупляли имя Свенельда. Запустил он корни в стольном граде русов, одни говорили – как дуб кряжистый, другие – как плевел ядовитый.

Больше огорчили Владимира новости из Овруча. Бесстрашный князь древлянский был прям иногда без меры. На пирах, на охоте любил он поговорить о том, что с князем новгородским у них и любовь братская, и дружба не разлей вода. А дружины древлянская и новгородская скоро прирастут так, что Киев ахнет от зависти. Неведомо было, ахнули от зависти в граде на днепровских холмах или нет, но кто надо услышал. Если такие разговоры до Новгорода дошли, то уж Свенельду и Ярополку они тоже известны.

Не то чтобы усматривал Владимир в бахвальстве среднего брата дурное предзнаменование, но знал, что придёт время и вспомнят князю древлянскому его слова. Шли весточки разными путями о том, что воевода киевский на дух не переносил Олега, считал его крикуном и болтуном никчёмным. Конечно, это было не так, просто у среднего брата чувства вперёд разума забегали, а когда гневливость и радость, добродушие и жестокосердие опережают мысли о них, тогда становятся они хозяевами человека.

Беду видел младший Святославич в другом: недооценит Свенельд древлянского владыку и запустит свару, которая губительно отразится на всех братьях, а уж если далее заглядывать, и на земле русов. И тогда неспешное, медленное время превратится в кобылу необъезженную, которая несётся, не разбирая дороги, пока не затопчет кого, пеной не покроется, а то и себе ноги переломает. «Русь велика, не можно допускать, чтобы сорвалась она, будто коняга обезумевшая». – так думал Владимир и ждал беду.

Когда лето года 975, принятого у христиан, подходило к завершению, *серпень* к полудню зноом дышал, а к утру хладью, в Новгород весть пришла, которая нарушила покой Владимира. Брат его, Олег, *замаял* на охоте Люта, сына воеводы киевского Свенельда. Из множества слухов, которые сползались в терем князя новгородского, понятно было одно. Преследуя добычу, забрёл Лют в леса древлянские, вотчину князя Олега, где, на свою беду, встретил Святославича и был убит им вполне законно.

«А дальше? А дальше выдумывать будут и конюх, и пёс охотничий, только вот разгребать не им», – справедливо рассуждал правитель Новгорода и велел звать дядьку своего, главу *расочников* и новгородского воеводу.

– Пришла беда, отворяй ворота, – глубокомысленно описал ситуацию Добрыня. – Заехал воз, за ним весь обоз. Не закончится всё это днём единым.

– Хочу верить, что гнев не затуманит разум Свенельда, когда придётся ответ готовить, – начал с очевидного Сигурд. – Да, Лют не Лют, а вправе был Олег Святославич прекратить разор своих угодий.

– Прав-то он прав, да кровь не вовремя пролита, – ждал Владимир худшего. – А ты что, Даниил, видишь?

– Вижу я, что Свенельд не кровинку родную утратил, а своего преемника в воеводстве. Люту он собирался передать и бразды свои, и знания. Мстиша, его меньший, – парень хороший, но шалопай, нет в нём упорства и жёсткости, коими Лют обладал. По тому, что мне известно, в сей же час, как весть чёрная Свенельда достигла, бросился он к Ярополку, прося князя рать двинуть на Овруч. Не отказал ему брат твой старший, но дружину выводить немедленно запретил. На благо Олега вмешалась болгарыня, переживая за мужа, умолила его не принимать скоропалительных решений. Воевода киевский поостыл, близится *рюень*, а там празднества, *собутки*. Затем распутица. Не надобно быть *страстигом* царьградским, чтобы понимать: в лучшем случае на зиму поход наметят. Опять же, времени мало будет до того, как Карачун в силу ступит...

– Думаешь, Свенельд упросит Ярополка пойти на братоубийство? – засомневался Добрыня.

Даниил Пскович, высокий детина, чернявый, с клоком волос седых у левого виска по внутренним свойствам был гибок в разговоре. Ему бы посольства водить в чужие земли. Слегка выкаченные голубые глаза могли и смеяться, и грустить, и крови желать. Вот и сейчас он задумчиво теребил аккуратную бороду, раздумывая о том, как ответить доходчиво.

– Полагаю я, князь и мужи уважаемые, что всё уже решил Свенельд, а решил так, что Ярополк отвертеться не сможет. Вопрос нас должен интересовать один: когда князь киевский «да» скажет. Тянуть он будет, сколько получится. Но мой ответ таков: когда следующий год по христианскому исчислению придёт, пойдёт брат на брата.

– Нам вмешиваться, чем бы ни закончилось, не стоит, – пробурчал Сигурд. Был этот невысокий варяг смел до безрассудства. Когда его серые глаза заволакивала пелена *Мары*, казалось, он один пару десятков изрубит. Но, как ни странно, в любой брани он не торопился.

– Вмешиваться не будем, но подготовиться надобно. Я *хартию* собственноручно напишу Олегу с написанием о том, что все мы братья, Святославичи, о нужде друг друга держаться, а за погибшего *виру* уплатить. Постарайся, Даниил, чтобы и Ярослав узнал об этой грамотке. Добрыня, ты лично посети Овруч, поговори с Тихомиром, а получится, и с князем древлянским, постарайся убедить их, что мира надо искать в этой распре, даже если он будет унижен. Потом рассчитаются. А главное, добавь, что Новгород только на своей земле воевать может. Сигурд, подбери толковых *огнищан* в сопровождение дядечке моему, должны они в древлянской земле всё никчёмное, всё сильное дружины моего брата увидеть и описать затем. Благодарю вас, други мои.

Отягощённые *уроками* княжескими и думами об их выполнении, соратники направились к выходу.

– А тебя, Даниил, попрошу задержаться, – обратился правитель Новгорода.

Не верил Владимир, что всё обойдётся, не ждал, что пострадают только виновные, кто бы они ни были.

Взял за привычку князь новгородский подниматься на сторожевой *костёр* в княжеском теремном дворе и смотреть на Новгород. Такое новшество ещё не добралось до Киева, но хитрые новгородцы подсмотрели конструкцию в заморских городах и осуществили идею для ИХ князя.

Шатёр скрывал того, кто находился в караульне, и господарь Новгорода мог спокойно проводить время в думах. Владимир скользил взглядом по потемневшим крышам, по отпо-

лированным деревянным мостовым, по люду праздному и непраздному, по землям новгородским, что простираются дальше горизонта. Сам он редко задумывался о том, что именно в этом городе, куда он по воле богов был послан на княжение, стал он тем, кто есть на сей день.

Новгород всегда разный был. Север боги не радуют тёплой погодой в осенние дни. Вот и сейчас на город шёл грозовой фронт. Огромные тучи, перекатываясь, толкаясь, будто стадо тучное, неспешно занимали небосвод. Владимир подумал о безделице: «И тучи послушны времени. Вот сейчас оно медленное, лениво отсчитывает дни, а то и годы. А вдруг рванёт конницей печенегов. И вокруг закручивает события так же. Двигаются тучи неспешно, но скоро разродятся дождём, выругается *Перун* молниями, и всё польётся, побежит. Кто топиться, кто спастись. А пройдёт срок, *Ярило* прорубит в тучах оконницы, осветят солнечные лучи землю, ветер стихнет. Всё живое выдохнет, успокоится. Означает это – время снова бег замедлило...»

Время княжеское всколыхнулось, но не побежало, когда Олава сообщила, что под сердцем дитя носит. Сначала растерянна сама себя жена княжеская оглядывала, а пообвыкшись, гордо несла доказательство Владимировой любви и благословения *Лады*. Непраздной ходить ей было ещё полгода, в этом сроке польза для отца. Успевает он свыкнуться с мыслью о ребёнке, не чувствуя его, как мать. Владимир мало задумывался о себе как об отце, которому предстоит играть с ребёнком (если сын будет), воспитывать его. Для княжеского сына (и дочери) подготовить рождение – это не *кувадки* над колыбелью сострогать. Дети правителя должны родиться в мире, чтобы выжить и в силу войти.

А мирная жизнь грозила закончиться. Беседовал правитель Новгорода и с близкими соратниками, и с гостями знатными и не очень, и с головами *чуди*, *мери* и других соседей, понимая – беда недалёко. Сам Владимир понимал, что Ярополк не мог разрешить Свенельду выступить против убийцы его сына, пока степняки у границ пошаливают. Скорее всего, хозяин киевского престола условием мести определил удаление печенегов от границ Руси. Утихомирив кочующие племена, Свенельд мог требовать послать дружину в древлянские земли. Ярополк в случае удачного похода получит прямое управление над Овручем, а воевода поставит своего сына, Мстишу, на правление. Если весной 977 года от Рождества Христова печенеги не потревожат Русь и Киевское княжество, то Олегу грозит беда к лету.

Помимо всего свершённого для укрепления Новгорода, его земель и собственной власти, думал Владимир ещё о двух делах. Перво-наперво необходимо собрать казну, помимо имеющейся. Хотел он иметь полтыщи *гривен* серебра в запасе. Второе, что следовало бы сделать, – это вспомнить про варяжские связи. Олавиным родственникам он не чужой с ребёнком конунговой дочери. Да и с Сигурдом Олафсоном он сблизился, насколько мог быть дружен князь с воеводой. Но без первого дела – казны накопленной – родственники и друзья с меньшей охотой чаяния твои принимают.

«А Олаф, друг мой, воспитанник, а глядишь, и князь земель *урманских* в будущем!» – вспомнил князь новгородский ещё про одного варяга, племянника сигурдова. Отрок в Новгород попал не по своей воле, так же, как и бежал с матерью с родной стороны вынужденно: остаться значило погибнуть вслед за отцом. Сигурд же помог родственнику юному прижиться на земле русской. Кроме этого, парень становился полезным как ратник. Верил князь новгородский, что выйдет из беглого княжича толк.

Вновь задумался господарь новгородский: «Хочешь не хочешь, а две казны должен иметь любой, кто успеха добиться желает. Одна казна понятная – злато-серебро, она, хоть в *чудь*, хоть в *сарацины* иди, везде пригодится. Вторая казна сложнее в устройстве, ибо она людская, а значит, непостоянная. Но сможешь человека заставить во множестве в строй стать – ты властелин в своём наделе. А пойдут за тобой люди по доброй воле, ты и мир воевать можешь». Поглядел на Новгород князь, и взгляд споткнулся о дым с капища Перуна.

«Ан нет, третья казна есть! Насколько ты мощь в себе чувствуешь и с богами связан, настолько и человек, и *скотница* тебе послушны. Её с малых лет собирать надобно. Да кто ж

понимает об этом». Поразмышляв о вещах, которые эллины быстроумные любят, Владимир делал заключения весьма практичные и земные. Что-то понял он вдруг и спешно пошагал вниз по лестнице.

Быстрое Время и Владимир

Весной 977 года от рождения христианского бога лёд пошёл раньше срока, вслед за *Комодецией*. Солнце первого весеннего месяца быстро вошло в силу, и вскоре лёд на Волхове затрепал, покрылся проплешинами цвета русалочьей чешуи, и полыньи раскрылись будто оконницы в мир иной. Природа животная и волшебная оживали быстро и одновременно.

Народ поговаривал, что в лесу девица медведя встретила, голодного после спячки, убежать не смогла, так хитроумный зверь выловил её, силою затолкал в берлогу да знаки внимания оказывал. Даже принёс ларчик с жемчугами (навверняка гостя какого заломал) да жбан яблок мочёных, сахарных притащил. Насилу сбежала. Но то врут, конечно, потому что наречена она была с дружинником княжеским Никифором, и лента алая в косу вплетена была как знак. Не трогают таких девок медведь, потому что разум имеет и понятия свои в поведении.

А вот другая история вполне правдиво смотрелась. Вдовая Панарья, жена ещё молодая и пригожая, на реку пошла бельё стирать. Протолкалась у воды до сумерек. Последнюю рубаху тянет – никак. Прихватил и одежду водяной местный, а через неё и Панарью. Испугана она была и после неожиданной встречи с хозяином омутов рассказала подруге своей Окулине. Та болтлива донельзя как сорока, и скоро вся женская часть Новгорода знала – одержим прелестями женскими местный господарик речной. А уж кому держаться подальше от полыньи известной, а кому под вечер бельишко простирнуть, каждая сама решит.

Слушал басни все эти Владимир в перерывах между отчётами *тиуна* княжеского, улыбался, но не веселился рассказам без меры. Видел князь новгородский в них знаки того, что жизнь скоро начнёт меняться, так как Медленное Время уступило место Быстрому.

Первым время в галоп направил отпрыск княжеский своим рождением. Вышеслав родился крупненький, горланил изредка. Глазки ещё у малыша плавали, но иногда смотрел он внимательно, пристально, будущий князь, в конце концов. Олава же не смотрела ни на двор, ни на Владимира. Сын наконец-то примирил княжну *урманскую* с её новой, нелюбимой родной. Она стала умиротворённой, даже несколько румянец прибавился. Очевидно, мир земной, обитель богов и её первенец замерли для жены из далёких краёв в едином времени, которое явно не совпадало с беспокойными днями на земле русов. Отец новорожденного задумывался о насущном: «И что теперь? Мира-то я тебе не обеспечил, а времени совершенно нет. То ли дети наши всегда не вовремя рождаются, то ли мы никогда не готовы к их появлению».

Как и ожидал князь новгородский, печенег молчали, затаились в ковыльях дальних, носа не казали. И если для них отсчёт дней и месяцев стал обыденным в своей неторопливости, то для Святославичей время пустилось вскачь. *Доброхоты* случайные, как и *предлагатаи* обученные, утверждали одно – готовиться идти брат на брата и то, что что делаться это будет руками Свенельда, ничего не меняло.

Владимир допускал, что Олег и сам знает о намерениях Ярополка. Но восточку среднему брату посчитал нужным послать, предупредить нападение. И решил сделать подобный шаг правитель Новгорода не столько, чтобы древлянского князя к победе направить, не верил он в победу Олега. Скорее, видел в этом для себя выгоду. Чем больше времени потратит Свенельд на овладение древлянским княжеством, чем больше сил он положит на усмирение Овруча, тем позже угроза киевская доползёт до Новгорода.

К сожалению, Олег, по слухам, не слишком тяготился подготовкой к брани. Похоже было на то, что, противопоставляя себя Ярополку, он видел себя чуть ли не недругом Рюриковичей: древлянином *Малом*, забывая, чем закончил тот. Самодовольства и бахвальства хватало

у древлянского князя, и не было рядом никого, кто бы наставил его. Воевода, Тихомир, в своё время приставленный Святославом, был разве что опытнее своего господаря в бранном ремесле. Но там, где переговоры и терпения необходимы были, вёл себя убеждённый седи́нами *ипат* как отрок, ещё смерти не видевший. А чем меньше человек о смерти думает, тем быстрее к ней приходит.

Оттого и новости, как саранча перелётная, ждать себя не заставили. Владимиру казалось, будто всё, что происходит и случится в следующие дни и недели, прописано на скрижалях каменных, и он их читает, поражаясь то ли уму своему, то ли проклятью запутанному. Вспомнил князь новгородский слова отца: «*Семаргл*, посланник богов, даёт мне знать, где будущее разглядеть». Сколько боги предупреждать готовы, человеку не ведомо. Видно, у Днепровских порогов они швырнули кости походя, и выпал Святославу нечет, когда на чёт он ставил.

Дружина под началом Свенельда ступила на землю древлянскую. Шли они умно, люд не грабили, капища (родные для киевской дружины) разору не подвергали. В поселениях, где на постое были, ели-пили, местным поясняли, что вы, мол, такие же русы, как и кияне, что съедем в этот день, податью взыматься не будет к зиме.

Без преград дошли киевские ратники до Овруча. Близлежащие сёла не воевали, неспешно выстраивались из походного строя в стену и готовились взять город в осаду. Переживал Свенельд о том, что, хоть городок и невелик, *детинец* был устроен по приказу Олега ладно и умно. Глубокий ров длиной не меньше десятка локтей не позволял атакующим преодолеть его одним прыжком, а вода по пояс вдвойне затрудняла движение. При штурме «в лоб» по меньшей мере каждый пятый в воде и останется. С крепостной стороны рва стена поднималась в три человеческих роста. На узком крепком мостке, соединявшем укрепление и окрест, могла с осторожностью проехать телега, а это три воина в ряд, не больше.

Взять с ходу Овруч было невозможно с тем, что имелось у киевского воеводы, но на то он и был воеводой, пережившим двух князей. Выгоду *расочства* старый варяг понимал очень хорошо. Знания одного *прелагатая* могут быть сопоставимы с парой сотен *огнищан*, а то и больше. Два-три слова, которые *доброхот* на ухо неприятельскому *баскаку* шепнёт, лишат противника той самой пары сотен ратников, которых он пошлёт в другое место.

От своих людей в Овруче Свенельд знал, что воевода древлянский Тихомир приказал по ходу движения киян гонцов слать ему. Поэтому вперёд войска *ипат* Ярополка посылал *сторожей*. Они перехватывали таких гонцов, убивали их или подкупали. И когда дружина киевская выстраивалась у *детинца*, «знал» Олег, что от силы в поход вышло пятьсот мечей из Киева, что сравнимо с гарнизоном Овруча. Также ему было известно о «задержке» в пути около двухсот ратников противника. По головам же киевской дружины у стен города так и считалось: человек триста с небольшим.

«Эх, Ярополк, жалеть тебе об этом дне долго придётся! – так думал Олег, отдавая приказ выстраиваться за воротами. – Сегодня Древлянское княжество получит самостоятельность, а тебе и останется, что куковать в своём Киеве». Раз за разом повторял князь понравившуюся присказку: «Куковать в Киеве! Пока твоём».

Наблюдая за построением древлян, Свенельд подивился, что выстраивается дружина Олегова такой же стеной, по центру образуя выступ, «свиную голову», направленную в сторону врага. Метод был хорошо известен *германам*, но на Руси применялся редко, а хозяин Овруча решил по-своему его использовать. Впрочем, тяги к новым знаниям у Олега было не отнять. «Не поможет это тебе, Святославич, пора *виру* уплатить!» – осклабился киевский воевода и дал знак к наступлению.

Киевская дружина выпустила пару залпов из лука, которые, впрочем, привели к незначительному ущербу в рядах древлян. Лучники Овруча со стены также осыпали стрелами противника с малым результатом. Рати двинулись навстречу. Когда осталось полсотни *локтей* друг от друга, обе стороны посыпали *сулицами*, которые гулко бились о щиты, иногда со всхлипом рвали доспехи, опрокидывая воинов наземь. Ещё несколько мгновений, и дружины сошлись. Ратники обеих сторон с деловитой яростью теснили противника, но урон пока шёл на единицы.

Древляне большим количеством наседали, а киевляне, имея превосходящую выучку, со знанием дела отбивали первый наскок. Со стороны левой руки ярополковой дружины противник начал достаточно скоро продавливать киевских ратников к лесу. Битва только занялась, но Свенельд не желал тратить весь день. Он отмахнул рукой, и там, где, казалось бы, рать Олегова начала теснить нападающих, высыпало чуть более трёх десятков всадников. Конники выученно стали цепью и единой силой врезались в правый фланг древлян.

Защитники Овруча, почувствовавшие, как им казалось, запах победы, не сразу и обратили внимание на угрозу. Конные дружинники скоро и споро работали печенежскими саблями, более удобными для битвы с седла. Послышались отчаянные крики. Это был первый плохой знак для Олега. Не приглушённые вскрики ратников, берегущих дыхание, а вопли людей, столкнувшихся с неизбежной смертью.

Пока древлянский воевода пытался спасти правый фланг, в его левый фланг ударили пятьдесят мечей, бывших в засаде. С опозданием Тихомир уловил, что происходит. С левой стороны киевская дружина намеренно дала слабину, чтобы древляне отошли от ворот детинца. Затем, усилив свой правый фланг засадным отрядом, рать великого князя начала теснить древлянскую дружину от ворот, лишая их возможности спастись за овручевскими стенами. Всё это не столько осознал глава Олеговой дружины, сколько почувствовал, когда, удачно попав в пятое левое межреберье киевскому всаднику, не смог за миг краткий выдернуть меч и получил удар кривой саблей по шее. Через открывшиеся затворы крови выплеснулся и дух Тихомира.

Олегу необходимо было дать лишь одну команду: отходить за стены детинца, пока сохранялась такая возможность. Да, в Овруче можно было укрепиться и малым числом. Да, из-за стен удобно вести переговоры с осаждающими. Но князь древлянский понимал, что всё тщетно будет. Его ратники и сами прорывались на узкий мост, оборонялись, сохраняя ярость погибающего хищника. «Князя наперёд, князя наперёд!» – кричали те из защитников, кто замечал спешившегося Олега на узеньком мостке. Но кияне уже не сражались, они, как медведь, придавивший оленя, рвали добычу, держали её обеими лапами, добивали не ради пиршества будущего, но чувствуя неописуемую радость победы смерти не над тобой, а над твоим врагом.

«Позвали телятю волки погуляти», – мелькнуло в голове у князя древлянского перед тем, как солнце в его очах золой подёрнулось, а затем вмиг почернело.

Когда Свенельд увидел дружину олегову, выходящую из ворот овручевского детинца, он уже представлял себе завершение не самой тяжёлой брани в его жизни. Не увидел он в недалёком будущем только одного – князя древлянского. А ведь Ярополк наказал воеводе строжайше – Олегу жизнь сохранить и доставить его на суд брата.

Позднее, когда покорённые древляне собирали погибших, нашли во рву и Олега. Тело доставили к воеводе киевскому. Глядя на мёртвого князя, прошептал Свенельд: «Хотел я для брата Ярополкова больше унижения, чем крови, а получилось крови с избытком. Но Ярополк как раз и спросит меня: так ты этого хотел?!» Варяг устало огляделся. По полю брани недавней сновали *полудницы* с окровавленными ртами, больше нелепые, чем страшные, в затасканных *сорочицах*, с тупыми оловянными глазами, и горланили, будто чайки в днепровском устье, но, похоже, видел и слышал их один воевода. Не удивляясь ничему, он приказал сильным голосом: «Отдайте тела бывших врагов древлянам для погребения. Подготовьте кострища для наших павших».

Спасибо Даниилу Псковичу: новость о битве за Овруч дошла до Новгорода так же скоро, как и до Киева. Владимир, Добрыня, Сигурд и Даниил сгрудились в тесной клетке, чтобы избежать лишних ушей. Все понимали, что решение окончательное необходимо принимать срочным образом. Только вот какое?

– Пока Свенельд жив, не будет нам покоя. Был он отважен и разумен, служил верой и правдой княгине Ольге и всем князьям. Но сейчас его разговоры о престоле великокняжеском – *извет* для других, включая и Ярополка, и *морок* для него самого. Опасен воевода киевский, словно пёс бешеный. А я не знахарь, чтобы лечить его, да и помогать старому вояке смысла нет – время побежало быстрее быстрого. Себе же помочь я могу и Русь избавить от животины обезумевшей можно: надо существу такому главу отсечь.

Князь новгородский не видел смысла усложнять продолжение истории бесплодными переговорами.

– Ярополк не зверь лютый, – попытался возразить Добрыня. – Готов он будет примириться, если ты, княже, руку протянешь.

– Как сказал кто-то из греков сметливых: «Нельзя войти в единую реку дважды». Так и у нас, Святославичей, стало. Братская любовь заново не вспыхнет на трупке одного из нас. Даже возлюбил я Ярополка, усматриваю одну простую вещь. Как бы правитель киевский не принял меня, я иду к нему со страхом быть убитым, как Олег. Как бы дальше ни сложились отношения со старшим братом, он всегда полагать будет, что его корю, не верю ему и готовлюсь защищаться.

Соратники княжеские промолчали. Не только потому, что Владимир говорил убедительно. Скорее в силу того, что принял для себя окончательное решение, а княжеское слово всегда последним остаётся. Господарь Новгорода продолжил.

– В унижении, пусть и невольном, жить не хочу. То, что начиналась как братоубийственная свара, теперь станет битвой за Русь. Не за Новгородом мы вернёмся, но за Киевом. Всё ли готово, Сигурд?

– Да, князь мой. Ладья ждёт, лучшие мужи наши на вёслах будут. Казна собрана, под утро перенесём. Дойдём до *чуди*, потом к *пруссам*. Там зиму встретим, будет время поговорить с князьями местными и *штуковинный люд* собирать. Загадывать не буду, но соберём мы силу достаточную не только для того, чтобы Новгород вернуть, но и Киеву противопоставить.

Зябким утром *листопада* две пары *огнищан*, упёршись по двое в два весла, оттолкнули *набойную* ладью со стороны носа и кормы от причала. На судне ожил парус, затрепетал, прогнулся под ветром, и большая лодка, несомая ветром и течением, степенно направилась в сторону Ладоги. Каждый из сидящих раздумывал о пути предстоящем, о том, сколько на чужбине времени проведёт, о правом и неправом в таком решении. Только один человек, отрешённо разглядывая волну, бьющую в форштевень, в деталях представлял, что он будет делать по возвращении.

Не слишком опечалились новгородцы побегу князя Владимира прошлой осенью. Не потому, что нелюб он им был или лишения при нём терпели. Наоборот, полагали, что возвращение не заставит себя долго ждать, а княже ИХ, почти земляк, урождённый на Псковщине, как и ранее, примет и суд, и землю, и дружину.

Посадских от Ярополка между собой никогда не называли княжьими людьми: только киевскими. Пришла другая власть, которую не переломить ни коленом, ни обухом не страшно. Будет ей почёт, какой следует, будет ей *подать*, какую и отцы давали (не более). Каждый из новгородцев был уверен в том, что дальний северный город важнее для киевского князя, чем он для них. Считать так приятно, и мнение такое на века передаётся. Как было всё это, так и в 978 год от Рождества Христова перешло.

Когда же *Ладу* и *Лелю* весенних чествовали и *цветень* в силу вошёл, ворота новгородские распахнулись, словно волшебным образом, и несколько сотен копий варяжских неторопливо шагнули на новгородскую мостовую. Большая же часть иноземных ратников так же неспешно окружила теремный двор, где обитали посадники Ярополка.

Слухом земля полнится, и лады ещё по Волхову к Новгороду поднимались, а люди знали – князь вернулся с дружиной в тысячу мечей. Затем тысяча в три превратилась, став грозной силой, а уж в торговых рядах жёны, что побестолковей, говорили о рати неисчислимой в пять тысяч человек. Все они кровожадные варяги, живущие убийствами и грабежами, и только князь Владимир закон для жути этой. Уже когда лодки рядом стали на причале новгородском, и дитё несмышленное могло сообразить: наговорили почтенные женщины лишнего, чуть более семи сотен варягов прибыло с ИХ князем. А кто больше понимал, видели, что не *хирд* (дружина) единый прибыл из-за моря, а в войске княжеском были и *чудь*, и *прусы*, и *норвеги*, и *германы*.

Ярополковым посадникам не стало легче оттого, что не тьма пришла ратная, а тысяча. Видно было – *кмети* пришли опытные. Дружина новгородская явно князя СВОЕГО готовилась встречать. Не было желания у Гостосмысла, руки Ярополка в землях новгородских, проверять, выступит ли по его наказу городская рать или нет. Успел он гонца в Киев направить, не ведая, какая судьба его ждёт. Сам же наместник престола киевского вышел со своими людьми без оружия поклон отдать Владимиру, князю Новгорода.

К тому времени известно было новгородскому господарю, что Свенельда его князь обвинил не только в гибели брата, но и в попытке сделать Мстишу сперва посадником древлянским, а затем и князем. Дружинники же киевские прознали непонятно откуда, что воевода часть положенного *огнищанам* вознаграждения себе оставляет. Доказать это не смогли, но упрёк Свенельду так и поселился у ратников. Доподлинно не известно, но слухи ходили, что сослал его Ярополк с глаз подальше в маленький Переяславль на Трубежке-реке. Работа Даниила-расочника впечатляла и радовала.

Сам великий князь метался, собирал войско. По сообщениям людей к нему близких, не хотел он с братом воевать. Не мог решить Ярополк, кого *ипатом* поставить взамен Свенельда: то ль Варяжку неискущённого в командовании, но верного до последнего дня, или Блуда, имевшего и опыт, и уважение.

Понял окончательно Владимир, что время разное бывает в жизни человека и им управлять надо, как норовистым конём. Сможешь время прищпорить где надо, а где надо взнуздать, и люди, и земли покорятся тебе, а боги за равного посчитают. «Не будем мы выжидать, пока Ярополку очередной *доброхот* или *слух* насоветуют. Не я затеял свару, но мне заканчивать её. Готовимся, други мои, идти Киев воевать!»

Владимир и Рогнеда

В княжескую гридницу в Новгороде собранная дружина не вместились бы, даже если *кмети* друг на друге построились да стали плечом к плечу. Поэтому собраны были товарищи-соратники, сотники-десятники, чтобы обсудить поход, которого не было ещё на Руси. А когда же всё решено было, остались наиболее близкие, те, с кем следовало пристально рассмотреть детали непростых отношений русских княжеств.

– Смоленск промолчит, как мы пойдём, Чернигов в сторонку отойдёт, Овручу сказать нечего, а Тур и вашим, и нашим исподволь. – Добрыня начал заходить издалека. – Но вот Полоцк остаётся. Рогвольд дружину имеет сильную, характер сложный, а кратчайшая дорога на Киев через Полоцкое княжество проходит.

– Дружина сильная, но не сильнее нашей. Живёт князь полоцкий, горя не знает: жена умна и *лепа*, двух сыновей растит да дочь-красавицу, что ещё надобно мужу зрелому?

– Вот старый я, чуть волнения какие, глаз дёргается, – театрально произнёс дядька, – вот и волнуясь: как мы за спиной людей непонятных оставим. Оглядываясь, всегда приятней родню увидеть. А так вроде рус, а шипит как гусь. А ведь дочь княжеская, Рогнеда, – девка на выданье да на заглядение...

– Так ты, дядечка мой, *заладить* (от слова лада) Рогнеду со мной хочешь? – подытожил очевидное Владимир.

– Прав Добрыня, – поддержал Владимирову наперсника Даниил. – Не хочу беду кликать, но доподлинно известно, что не желает видеть на Руси двух Святославичей князь полоцкий и выбирать будет одного. Выбирать – это значит другого ударить.

– Так что же, сперва свататься, а затем воевать? – пошутил Новгородский князь.

– Так и в спячку впасть можно, снегов не дожидаясь, – раздражённо заметил Сигурд. – А наша заморская подмога тоже не рада будет такому повороту. Они делом своим заниматься приехали.

– И воевать идём, и *заладиться* идём, – решил Владимир. – Выдвигаемся, как и планировали, послезавтра. Дойдём до Невеликих Лук, Добрыня вперёд с посольством поедет и дарами богатыми. Мы следом выступаем. Как всё решишь ты, дядечка, а как разговор окончишь, не медли, не тащись с посольством, вскачь ко мне. Думается мне, что если откажет Рогнеда, то не потому, что я косой, тощей или кривой, а потому, что отец-князь такое решение принял. Тогда и с войском поторопиться стоит. Ну а согласна будет княжна полоцкая, тут и вопросов не будет. Всё. Не бражничаем, высыпаемся, ибо не скоро нам довольно спать придётся.

На следующий день прошёл дождик несильный. Дороги не расхлябли, но сбрызнуты были как будто специально, чтобы не пылило. Утром через день все сочли влагу небесную хорошим знаком, и около тысячи новгородской дружины с ополченцами да семь сотен заморских ратников двинулись в путь. Так и до Невеликих Лук дошагали, где посольство во главе с Добрыней, опережая ряды дружины, спешно двинулось в Полоцк.

Уже через переход, когда войско на постой стало, опередив своих попутчиков, вернулся Добрыня смурной и грозный, как Днепр в осеннее ненастье. Передал князю своему, мол, к утру зайду. Владимир понял, что не удалось посольство, но требовать к себе дядьку не стал. Было бы что срочное, первым делом бы зашёл. Ну а на нет война ответ. Пока Добрыня пил мёд и в горнице на стол кулаки обрушивал, князь новгородский высчитывал – сколько путей ведут к Киеву и за какой срок их пройти требуется. Высчитал он главное. Полоцк воевать надо срочно, пока дружину не собрали, пока не поняли, что через них война пройдёт.

В утро четвёртое похода в срубе, где князь на постой определился, Добрыня неспешно рассказывал о поездке в Полоцк. Начал с того он, что спешка напрасной была. Сначала держали за воротами посольство новгородское, затем впустили на ночь, но не в покои для гостей высоких, а там, где конюшие и простые *огнищане* спят. Ни Рогвольд, ни кто из княжеской семьи их не встретил. *Тиун* княжеский с оглядкой сообщил, что и дары принимать от князя, из бегов вернувшегося, господарь не желает. Проглотил советник Владимира такое отношение и решил, что наутро всё прояснится.

Следующий день принял посольство князь полоцкий. С ним были дети и жена его, воевода, мужи нарочитые. Добрыня ни словом не упомянул об оскорбительном приёме, руководствуясь простой заповедью: не стоит усердствовать там, где недругов завести можно. Но лучше не стало. Присесть Рогвольд не предложил, с Добрыней не столько беседовал, сколько цедил несуразности, близкие к оскорблению. Всё описываемое происходило в роскошной *гриднице*, которая по обилию резной обстановки, дорогих шкур и блестящей посуды могла и с киевскими теремными покоями спорить.

Изображая отца любящего, поинтересовался у дочери своей, готова ли она жизнь с Владимиром связать, может, люб он ей, а тятенько-то и не ведает. Рогнеда же ответствовала коротко и прямо: «Не хочу *робичича* разувать. Ярополка желаю». Специально сказала, чтобы

злобу Добрыня наружу выплеснул, можно было ссору начать и от сватовства отказаться. Но Добрыня не только телом силен, но и умом остёр. Понял замысел. Поклонился и убыл восвояси. Опережая посольство, мчался, чтобы хоть как-то злобу, душившую его, унять. Такое услышать о сестре родной!

– Тебе сестра Малуша была, а мне матушка. Ты как передал слова княжны полоцкой, так я почувствовал, будто солнцем утренним зарделся, ногтями в стол впился.

– Князь мой, племянник мой. В княжеском тереме на меня пелена кровавая накатила, как на тура загнанного. Хотелось каждого из семьи Рогвольдовой порвать напополам.

– Видно, считает Полоцкий князь, что не выдержим мы брань с Ярополком. Для этого всё *позорище* устроил. Так вот пусть считает. На руку нам его мнение. А за матушку мою и сестрицу твою мы поквитаемся.

Владимир собрался выйти, да подумал и обернулся к Добрыне.

– А знаешь, дядечка, незадолго до гибели моего отца получилось мне поговорить по душам с ним. Так вот, кто бы что ни лаял, как пёс *ярый*, любил Святослав Малушу больше, чем мы представить себе можем, больше, чем молва говорит. И завидую отцу своему не оттого, что столько рати неприятельской он побил, а оттого, что была у него любовь, которую Лада дарует избранным.

Никогда Рогнеда не сомневалась в словах и делах отцовских. Слыл Рогвольд высокоумным человеком среди князей других наделов и среди людей своих. Дочь пошла в отца, князя полоцкого, – гордая, умная, волевая, неsgiбаемая. Может быть, с избытком качества, мужам свойственные, обитали в её женском теле. Но было иное – Долг. То, что делает семью семьёй, дружину дружиной, а народ народом. Это внушалось княжеской дочери, как только она в игры начала играть. Рогнеда прекрасно знала, что приходит время, и она должна отказаться от каких бы то ни было желаний сиюминутных и сделать шаг в пользу рода как рогвольдова, так и полоцкого народа в общем.

Как и всякая княжна, знала Рогнеда женихов своего времени, которых она достойна и которые достойны её. Святославичи были первые из достойных мужей на Руси. После гибели Олега в межусобице осталось двое братьев: Ярополк и Владимир. Не питала ни к тому, ни к другому особых чувств, хотя оба были умны и статны. И кто бы ни были матери князей Киевского и Новгородского, отец их был Святослав, что звучало громом *Перуна*, мерным рыком порогов Днепра по всей Руси.

В день же, когда посольство Владимирово в Полоцк въехало, неведом ей был ещё замысел отцовский, хотя знала она мнение Рогвольда. «Ярополк титул Великого князя унаследовал. Водит он самую большую дружину на Руси. Опыт бранный его войска – огромен. Запасы киевские жить год сытно позволят. Не стоит Владимир с братом старшим и рядом». Помнила отцовские слова Рогнеда, но всё и поменяться могло, не женское дело – в отношения между княжескими престолами лезть.

По мнению же княжны полоцкой, господарь Новгорода был уж как решительнее своего брата старшего. К тому же вера его в богов родных была стойкой и крепкой, чего не скажешь про Ярополковы метания от христианского подола какой-то там гречанки до *Перуна* и *Велеса*. Отстранённо глядя на свару братскую, прислушивалась Рогнеда к сердцу женскому, а то ей говорило раз за разом: «Только Солнце всегда такое, какое оно есть. Люди же кажутся одним, а на деле иным ликом оборачиваются. Хрустнет ветвь Ярополкова как замёрзший камыш. Владимир приде и буде».

Так думала Рогвольдовна, пока отец её не призвал. Беседовал с дочерью в одиночестве, долго объяснял, хотя и не обязан был, мог приказать. Из всего сказанного было понятно Рогнеде, что Полоцк не только отказать Новгороду желает, но и унижить князя так, словно он

чудь безродная или степняк поганый. А ответственность молодая княжна должна просто: «Не хочу *робичича* разувать. Ярополка желаю». Не была согласна с Рогвольдом дочь единственная и готова была отцу перечить, но сказал Полоцкий господарь слово, которому не можно было противиться, – «Долг».

Умный человек был Рогвольд да тщеславный. Из этого тщеславия любил он дорогие вещи покупать. Блеск глаза гостей приезжих, будто светило, ослеплял, а князь терял свой хваленый разум, слушая льстивые хвалебны о покаях рогвольдовых. Даже и жена говорила ему: «Не *грядню*, друг мой, украшай, а *детинец* укрепляй».

Да и не на всех Полоцкий терем княжий впечатление производил. Обратил внимание Добрыня, как бы зол он ни был, и на стены невысокие, и на воротца хлипкие, и на *кострища* с видом ограниченным. Рогвольда ум не столько на войну простирался, сколько на торговлю и переговоры. А местоположение Полоцка делало его сложной добычей для степняков, поэтому сильная дружина вместе с перечисленными особенностями казались незыблемой защитой для города. «Ежели нагрянуть внезапно, ни ворота не помогут, ни ратники собраться не успеют», – так оценил Полоцк посланник новгородский в силу старой привычки ещё до того, как унизил его Рогвольд.

Так и произошло всё. Вкруг от основной дороги воевода пустил небольшой конный отряд, одетый во что ни попадя. Каждый по отдельности больше на гонца или *бирича* походил, а оружие тайно нёс. Ближе к Полоцку рассыпались люди Сигурда и собрались уже за воротами внутри детинца, ну чисто посланники с разных концов земель полоцких. Мечников на воротах зарезали без спешки и шума, ворота навзничь повалили. Когда догадались *огнищане* полоцкие что к чему, уже дружина Владимира пыль облаками подняла до неба на городских выселках.

Кто опытнее, понял, что победа в чужих руках оказалась раньше, чем брань началась. Испытанные мужи полоцкие, а за ними и отроки бросали там, где стояли, мечи и сабли, щиты и копья, булавы и топоры за ними потому, что было сказано всем: «За Рогвольдом мы пришли, люду же полоцкому не враги мы». Видел всё это в оконницу князь и единственное, что оставалось в его власти, повелел: надеть всем белые одежды для всех приемлющей *Мары*.

«Так что ты сказала?!» – в ярости прокричал Добрыня, глядя не на Рогнеду, а на отца её. А княжне молодой как раз страшнее всего смотреть на отца было. Мать стояла блее полотна погребального, рот руками прикрыв. Братья, мальчишки ещё, с пунцовыми лицами косолапо топтались, как медвежата на цепи: стыдно им было, что Долг не исполнили и не успеют его выполнить никогда. По лицу Рогвольда же слёзы лились, кадык дёргался, будто *аспид* застрял в его горле. Корёжило его от одновременного желания кричать безумно и пытаться сдержать крик животного перед смертью, морщился и кривился господарь полоцкий, как лешак, которого в поле на яркий свет выволокли.

Рогнеда не почувствовала, как двое *огнищан* Владимировых схватили её не грубо, но крепко и к столу огромному подвели. Хотелось ей, чтобы детский кошмар это был, как в детстве, когда мама и папа, братья не родились ещё, заходили в её спальню и утешали: «Приснилось это тебе, Рогня милая. *Кутный бог* пугает, твою смелость пытается». Волей-неволей она всё оглядывалась на семью, домашние в *милотах* белых через слёзы казались облаками, которые ветер уносит вдоль Двины к морю, серому и мрачному, как царство мёртвых.

«Долг мой – род мой!» – отчего-то пришло в голову княжне, последней из князей Полоцка.

– Все невесты в алое рядятся, а ты станешь в белом невеста, – накручивал себя Владимир. – И меня разувать не надо, и тебе иной цвет не нужен, и так красна. Для Гориславы в белом цвете жить, привыкать надобно.

Понёва и *сорочица* затрещали в руках захватчика. Так Рогнеда не по своей воле узнала, что значит быть женщиной, а Владимир познал свою будущую жену не в любви, но в ярости. Долг Рогвольдового имени ей горьким показался, но как иначе его соблюсти, княжна и не ведала...

Пока ТОТ дальше рвался Русь под себя воевать и отстраивать, тащилась полоцкая княжна в обозе. *Коло* тряская и мысли, и злобу, и печаль убивала. Оставалась только дорога, а путь стал единственным доказательством жизни Рогнеды. Когда на ночь становились, она выходила с ликом зарёванным, веками отёкшими. Нетвёрдым шагом прохаживалась с утомительной дороги, но голову в *рамены* не вжимала, в глаза смотрела ратникам из охраны, конюхам и девкам, в прислугу ей назначенным. Столько было ярости в этой девчонке, что опасались те, кто рядом – не то, что обоз, и люди Владимировы запыхают от взгляда её. *Огнищане* не приближались к ней, а прислужницы раз за разом жребий кидали: кто в этот раз еду поднесёт Рогнеде Рогвольдовне.

Сменить одежду полоцкая княжна отказалась. Так и ехала в белой *милоте*, которая день за днём оттенки земель приобретала, где обоз тянулся. Вскоре и сама себе Рогнеда стала казаться пылью да суглинком дорожным, песком речным да чернозёмом ссохшимся. «Много дорог, а у меня одна: дождик пройдёт и грязь в Днепр смоем, где упокоюсь я на дне, став илом прохладным. Не будет на свете ни Рогнеды, ни Гориславы».

Дождь с вечера пошёл ливнем и закончился лишь под утро. Солнце вспыхнуло из-за туч, словно папоротника цвет на *Купалу*. *Ярило* с избытком одаривал мир жаром и светом, как бы извиняясь за шалости *Велеса*. Дорога выглядела как застывшая река, в которой отражались разбегающиеся тучи и крепнущая лазурь. *Вёдро* обещало быть долгим, поэтому *шебаиш* Чадомир решил остаться на день, дать воде сойти, убрать поломки да подчистить котомки.

Рогнеда, предоставленная больше себе, чем служанкам, пошла к Великой реке. В этом месте лес подступал к самой излучине Днепра. Подтопленный низкий берег стал продолжением большой воды, здесь она казалась бурой, как медвежья шкура, от прошлогодней листвы на дне. В задумчивости княжна шагнула в русалочью обитель, *черевы* её наполнились прохладой, подвижное зеркало распахнулось иным миром.

«Одна ты из рода, но сможешь время ускорить, род сохранишь», – голос был низкий, мужской, с хрипотцой. Не отца это голос был, не ЕГО. А водяной ли шутовал, из богов ли кто заговорил или *Ящер* из нижнего мира, Рогнеду не волновало. Страх она не испытывала, замерло всё внутри, но не умерло. Зеркальная поверхность отразила женское лицо. Девушка увидела изломанные страданиями брови, тёмный, всклокоченный волос, бледную, восковую кожу, бескровные губы утопленницы, и только очи, синие-синие, говорили о том, что жива ещё княжна полоцкая.

От промокших ног она почувствовала холод зимний, как будто в степи замерзала Рогнеда, хотелось опуститься и глаза закрыть. Готова была уже осесть на воду, когда почувствовала то ли хлыстом удар сильный, то ли молнией. «Боги напоминают мне, что жива ещё, что не овца жертвенная на закланье», – княжна наклонилась над зеркалом, где не она отражалась, зачерпнула полные ладони и умылась Днепром. Развернувшись, зашагала в сторону лагеря, придерживая отяжелевший подол.

«Потеряла я тебя, госпожа моя», – очевидно, Алтынке выпал жребий сегодня полоцкую княжну обихаживать. Впервые она прислушалась к тому, что прислужница бормочет. К обозу шла молча. Подойдя к стайке девушек-помощниц, Рогнеда приказала: «Собирайтесь, к Днепру пойдём купать и меня, и вас, неумывахи. Одежду мою всю берите. Отмоете княжну вашу, расчешите, умаслите, сама выберу, что надеть». На сопровождающих как помутнение на пару

мгновений нашло, затем девушки подхватились, забегали. Ни Рогнеда, ни Горислава не собирались рядиться в белые одежды почивших.

Пока шёл обоз, Киев был Ярополков, а когда в северные ворота въезжали, град уже Владимиров стал. Уже выглянула Рогнеда, когда повозка спуск на Подоле одолевала. Столица великого престола впечатляла. Днепр на солнце виделся *канганом* золотым с бирюзовыми прожилками, в середине которого сиял Изумруд-Киев. Срубы, разбросанные вокруг холмов, могли бы занять два Полоцка. На Торговище Подольском жизнь кипела и с высоты казалась такой чудной, далёкой, будто стала княжна горлицей свободной.

Определившись в женской части терема, начала обосновываться Рогнеда и душой и телом в новом городе. И если мужу, будь он князь, будь он смерд, чтобы почувствовать своей территорию, надо было завоевать или возделывать её, то жене достаточно принять место, которое волшебным образом начнёт перетекать и складываться заново под её нужды.

День за днём узнавала она двор, сплетни новые, слухи древние. Челядь, которая знала, как княжна полоцкая ставила себя в дороге, опасалась её и пыталась сторонкой шмыгать. Впрочем, Рогнеда пыталась быть ласковой, насколько могла, а девушек-помощниц, знакомых ей по обозу, приблизила к себе – они стали единственными близкими ей в этом злобном мире.

Узнала она про поражение киевского войска на Друче, чем закончилась братская междоусобица, как погиб Ярополк. Уже и люди утверждали, что изначально первый Святославич всё это задумал, когда три года назад Люта Свенельдовича подговорил испытать брата, Олега Древлянского. Затем же Илдею, князю одного из *собутков* печенежских, деньги пообещал за участие в походе против Владимира. Сносился погибший князь и с христианским государём, который дружиной обещал помочь, и Полоцк на свою сторону склонил. Все, кто пошли за Ярополком, проиграли. Что было выдумано, а что правда, не слишком интересовало дочь Рогвольда. Правду говорит тот, кто в *брани* победителем выйдет. Да и не могла она своего отца ненавидеть, для этого на всю жизнь остался Владимир.

Со временем увидела Рогнеда и первую жену Великого князя, варяжку Олаву. Тростиночкой лёгкой сопровождала она своего первенца, Вышеслава. Была приветлива, но тяготилась и Русью, и Киевом. «Эта мышка нестрашна мне», – сделала вывод наречённая Владимира. Другая же, и не мышка, и не кошка, не то болгарка, не то гречанка Ирина. Носила уже плод любви своей с мертвецом. Взял её новый князь киевский добычей у Ярополка. Не была она желанна, скорее необходима. «И статна, и красна, да кровь водицей разбавлена», – определила полоцкая невеста.

Так то злилась Рогнеда без причины, то лучику солнечному умилялась. Что-то не то было с молодым телом. И только осознав, что горести и путь неблизкий закончились, а другие ещё не начались, поняла наречённая Владимира, что не так: луна прошла, а нет цвета женского. *Непраздна* она. И ребёнок был зачат во время *пошибания* на столе в полоцкой *камаре*.

В таких размышлениях и застала её служанка Углеша, приставленная к ней самим Великим князем. Знала вся челядь о том, что девку эту, как и других, приказывал к себе Владимир, когда чувствовал сил мужских избыток. Углешка была ладно скроена, чернява, кареглаза, миловидна, но глупа, словно *корчага* пустая. Не разумом, но чутьём уловила она, отчего Рогнеда в одной рубаше сидит, с потерянными видом.

– Князь наш велик во всём. Счастье – испытать его силу мужскую. А ты, княжна, видать, слишком *хупава* и *дмитися*, потому и благодати его не осознаёшь.

Рогнеда взбеленилась раньше, чем поняла отчего. Левой рукой за волосы прихватила, другой пятернёй за лицо схватила, пальцы в глаза вдавила и об пол грохнула. Со стола, который дурная Углешка накрывала, посыпались столовые приборы. Княжна, взяв правой рукой нож для столования, придавила ногой промеж лопаток девку и косу ей срезала. Вбежавшим на шум прислужницам и ключнице наказала:

– Увижу ещё раз, горло перережу ей и косу туда вставлю. Раньше не кровью захлебнётся, а своими невымытыми волосьями удушится.

Когда же дверь захлопнулась, увели *челядинку* плачущую, безкосую, задумалась ещё больше. Жить предстояло ради дитя, зачатого в позоре, который и виделся ей продолжением рода не Владимирового, но Рогвольдового. Так начала Рогнеда к свадьбе готовиться, не абы с кем, а с великим князем, как и должно быть у княжны великого Полоцка.

Владимир и Ярополк

– Дружина в Киеве сейчас меньше войска нашего. До Ярополка дошёл слух, что остальные княжества без крови тебе, князь, присягнули. – Даниил рассудительно отчитывался о том, что важно для Владимира было из всех тех потоков слухов, непроверенных сведений и тайных хартий, которые попадали к *расочникам*.

– Так что же, Даниил, может, стоит направить переговорщика, чтобы убедить закончить всё разом и не дожидаться, пока вновь кровь русская польётся, – вспыхливо заговорил варяг Сигурд.

– Пока мы здесь, у Ярополка ещё одна возможность есть, к которой его жена-христианка склоняет, – гнул своё Даниил. – Просить содействие в Риме у главы христиан западных, папы Бенедикта, который седьмым у них считается, а за это обещать Русь ко Христу склонить, а взамен просить дружины *фряжские*.

– А готов ли твой *доброхот*, Даниил, в душу Ярополкову отравы подлить? – спросил Владимир.

– Лётся яд, князь, – уверенно отвечивал первый *расочник*. – Уверовал Ярополк, что не люб он киянам, и готовы те, улучив момент, открыть все врата городские для дружины Владимира.

– А уж о том, как Полоцкое княжество осилил ты и крови пролил малую часть от того, что мог бы, известно по всей Руси, – вставил Добрыня.

– Да уж, подступить к Киеву запросто, воевать Киев не сложно, а завоевать – то дело, которое *баяны* и летописцы будут век после нас воспевать. А вот открыть град без боя – это задача, пусть и не такая видная, но силы нам позволит сохранить для более страшных врагов.

Вслух задумался Владимир и, обращаясь к *расочнику* Псковичу, дал задание:

– Обещай своему *доброхоту* злато и почёт, но Ярополка пусть из киевской берлоги вытаскивает. В берлоге медведя брать не будем, на опушке загоним.

– Княже, может, имеет смысл тебе с ним встретиться и поговорить по-братски, – предложил Сигурд.

Владимир хохотнул коротко и задал вопрос не столько *ипату* варяжскому, сколько всем присутствующим:

– С братом нашим Олегом он поговорил уже. Где теперь средний брат.

– Больше время тянуть сейчас Ярополк будет, чем мир искать, потому что силы наши не равны, положение у него наихудшее. – И Добрыня не верил первому Святославичу. – Говорить с ним надобно или когда оставшуюся дружину сдаст, или если из Киева уйдёт.

– С южных границ киевских ратники могут подойти, хотя и небольшим числом. Ах да. Ещё этот князёк, бестолковый, печенежский. Если же сила и далее за нами будет, с юга никто не двинется, – напомнил очевидное Даниил.

– Выбор небогат, что у меня, что у Ярополка. Боги нас рассудят, а я жертву *Перуну* соберу. Лучше уж моей рати пусть благоволит, – закончил князь и вышел первым.

Ещё с Новгорода появился *свычай* у Владимира: как только время мчится куда бы то ни было, словно кобылка молодая, взнуздать его требуется. Иногда ласково, как будто лошадку с недолгим сроком под седлом. А иногда и резко, жёстко на дыбы поднять, иначе не ты дорогу выбираешь, а за тебя путь определит кто-то другой.

Уверен был Новгородский князь: всё, что он делал до сих пор, было правильным. Да и нельзя было сомневаться. Это как пытаться решить, Днепр переплыв до середины, всё-таки на правом берегу следовало остаться или на левый плыть. Так скорее к господарику речному на дно опустишься. «А Прозор каков молодец был, когда печенегов обхитрил и в реку без раздумий вошёл. Таких людей подбирать надобно и самому так жизнь мерить», – Владимир налил квасу горького со зверобоем, он хорошо бодрил в жаркую погоду. Мысли его вернулись к Друче.

Предполагал Добрыня, а Даниила Пскович уже вызнал, что на подходе к слиянию двух рек Ярополк и мякишем, и кнутовищем пытается заставить и туровцев, и черниговцев выступить с его дружиной против младшего брата. Но сказано было не раз и не два нарочитым мужам обоих княжеств: «Где свара братская, третьему лезть не стоит. Кто-то из них опосля помощнику рёбра сосчитает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.